

P2
M-14

Тавел Майский

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

СТАЛИНСК НОВОКУЗНЕЦК

КУЗНЕЦК

Павел Майский

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

Получено в дар
от Павлова
Викентия Павл.

Слово о Кузнецке-Сталинске-Новокузнецке

Ш. 1169998
1169998

Новокузнецк
2002

P2

M 14

РЗ 765.012Р-4КЕ)

Майский П. Н.

**Город моей мечты. Слово о Кузнецке-Сталинске-
Новокузнецке. 2002 г.**

Художник В. П. Павлов

**Новая книга Павла Майского написана в 2002
году. В ней раздумья о Новокузнецке - городе, в
котором он жил с 1955 по 1988 год.**

ISBN 5-8441-0065-4

**© Майский П. Н.
Новокузнецк. 2002**

ПРЕДИСЛОВИЕ

*В наш бурный век
Столь быстротечно время,
Что, не успев родиться, человек
Уже испытывает бремя
Счастливо промелькнувших лет...*
Юрий Лукин

Книга эта отнюдь не претендует на абсолютную полноту изложения и на "истину в последней инстанции".

Создателям хотелось одного - помочь читателю, особенно молодому, разобраться в сложной историко-нравственной жизни Земли Кузнецкой и сделать достойный выбор, созвучный идеалам и традициям не менее десятка поколений наших предшественников-кузнечан.

Теперь о создателях.

Работали так: Павел Майский писал, Валентин Павлов рисовал, Василий Галактионов редактировал, Юрий Лукин обеспечивал компьютерную подготовку книги к печати, Юрий Романов - подбор фотоиллюстративного материала.

Павел Майский (Павел Николаевич Мертвецов) родился 9 мая 1937 года в семье главного инженера рудника "Центральный" Тисульского района Кемеровской области.

Отец Павла Майского во время Великой Отечественной войны сражался под Москвой и скончался в госпитале от ран.

Мать почти всю жизнь проработала председателем Кемеровского обкома профсоюза лесной промышленности.

Павел Майский после окончания Сибирского металлургического института работает с 1961 года в проектном

институте "Сибгипромез" и одновременно заочно оканчивает Литературный институт им. Горького.

С 1981 года - на творческой литературной работе. Член Союза писателей СССР, автор многих поэтических книг. Наиболее известные из них: "Солнечная деляна", "Ясный полдень", "Покаянные дни", "Зимняя гроза" и др. - вышли в издательстве "Советский писатель" (г. Москва).

Валентин Павлович Павлов родился в 1935 году. Новокузнецанин. Окончил Сибирский металлургический институт. По образованию - инженер-механик, по призванию - художник-архитектор. По окончании института работал архитектором промышленного и гражданского строительства в ряде новокузнецких проектных организаций, главным архитектором г. Прокопьевска.

Известный в Кузбассе художник. За плечами В. Павлова - более десятка персональных и коллективных выставок.

Пишет стихи. Публиковались в городской и областной периодике. Выпустил в 1995 году сборник стихотворений "Две жизни".

Василий Александрович Галактионов.

Поэт. Журналист. Родился в 1949 году в г. Челябинске в рабочей семье. Отец умер рано. Мать переехала к брату в Северо-Казахстанскую область, где вышла замуж за сосланного после 10 лет лагеря по приговору "тройки" отчима Н.П. Вознесенского. После отмены его ссылки семья переехала в г. Новоалтайск Алтайского края. В этом городе в 1966 году окончил среднюю школу. С 5-го класса нештатно сотрудничал в городской газете "Ленинское знамя", в этой же газете стал работать литсотрудником сразу после окончания школы. Далее - заочная учёба на факультете журналистики Казахского госуниверситета (в дальнейшем в МГУ) и работа в районных, областных, краевых и республиканских газетах Казахской ССР, Алтайского края и Калининской области.

С 1990 года работает в Кузбассе. Сначала собкором, затем ответсекретарём и зам. редактора межрегиональной газеты "Шанс", впоследствии главным редактором газет "Новокузнецк без политики", "Земля Кузнецкая", журнала "Все для дачи", первым заместителем редактора "Губернские ведомости"...

Юрий Фёдорович Лукин.

Родился в 1936 году. Новокузнецанин.

Мать - Надежда Алексеевна - телефонистка на железной дороге, отец - Фёдор Леонтьевич - стрелок охраны. Участник финской и Великой Отечественной войн. Погиб на фронте в 1942 году.

Юрий Фёдорович окончил в 1958 году Томский политехнический институт (ТПИ). Радиоинженер. Работал начальником радиолокационной станции в системе ГВФ (г. Нижнеудинск), в цехах связи Кузметкомбината и Запсиба, служил офицером в Советской Армии.

С 1970 года работает в Новокузнецком отделении проектного института "Тяжпромэлектропроект".

Юрий Александрович Романов родился в 1939 году в г. Новокузнецке. Школьные увлечения - туризм, живопись, фотодело. После окончания средней школы до призыва в Советскую Армию работал инструктором по туризму.

Вернувшись из армии. стал работать клеймовщиком горячего металла на КМК. Всё свободное от основной работы время отдавал своим увлечениям.

Мастер спорта по туризму.

Председатель фотоклуба "Сибирь".

Обладатель хрустального кубка "Ассо-фото" (Гран-при). Персональные выставки Ю. Романова проходили как в Советском Союзе, так и за рубежом - в Венгрии, Болгарии, ГДР и США ("Девственная природа").

Многие работы Ю. Романова публиковались в газетах "Правда", "Известия", "Труд", "Советская культура"; в журналах "Молодой коммунист", "Советское фото", "Турист", а так-

Василий Павлович

Юрий Лыков

Николай Суханов

Василий Павлович

Юрий Павлович

же в зарубежных изданиях: "Чешское ревю", "Немецкая фотография" и т.д.

Нужно сказать ещё вот о чём.

Создатели книги взяли на себя определённую ответственность - попытку рассказать о славных, порой противоречивых в оценке веках жизни своего города. Наш город безусловно заслуживает такого повествования, поскольку занимал и занимает одно из особых мест в истории Советского Союза.

Это обязывало создателей правдиво и чутко относиться к успехам и неудачам наших отцов, дедов и прадедов, да и нас самих, дабы не принизить достигнутых кузнечанами за четыре века высот в деяниях державных и не остудить сердец поколений, идущих нам на смену.

Как им удалось справиться с этой задачей, оценит критика.

Я же верю, что пронизывающая книгу искренняя любовь её создателей к своему городу, его людям тронет сердца читателей, поможет им стать достойными продолжателями деяний своих славных предков-кузнечан.

Николай Стуканов

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

Первая картина Сталинска

в памяти моей -

чёрно-белая...

Мы, "дети войны", пробираемся по затянутому ледянистой коркой пустырю к оружейному отвалу КМК. Кругом огороды. Заборы из случайных железяк, досок, ящичков.

Помню участок под картошку, обтыканный винтовками.

Искали мы, в основном, немецкие штыки-ножи, тесаки, кортики. Играли ими в войну. На тесаках фехтовали. Последний штык (уже в Кемерове) отобрал участковый милиционер. Куда ушло остальное - не помню. К подобному оружию после войны никто серьезно не относился.

Ещё запомнились на этом оружейном отвале обгорелые танки. В них мы не лазили. Боялись мертвяков и снарядов...

"Горбатый" мост через р. Аба. 50-е годы

Вторая картина памяти -

цветная.

Радостная. Акварельная...

Абагурский пионерский лагерь. Два длинющих деревянных одноэтажных корпуса. Вокруг белёные штакетины забора

и грибок у входных ворот для дежурного. А дальше - река Кондома, набитая пескарями, которые тычутся в ноги, когда забредёшь.

А ещё дальше - огромное выкошенное поле с флюгером на шпиле дощатого сооружения. Это городской аэропорт. Туда прилетают двукрылые "Аннушки", выбрасывая по приставным лестничкам горстки шустро исчезающих в автобусах пассажиров. Взлетают самолеты на другом конце поля, ближе к железнодорожному мосту...

Пионерский лагерь был "Южкузбасслесовским". Жилось в нём интересно и сытно.

Три раза в сезон приезжали артисты. Особенно нравился джаз "Фасмана". Играли они вчетвером. Сам "Фасман" утыкался в пианино. Ударник глядел в потолок. Скрипач - на пальцы левой руки. Один только саксофонист уставлялся на нас вытаращенными от надутости щёк глазами. А шея у него так же фантастически раздувалась...

В стороне, у входа на веранду-эстраду, всегда полусидел на перилах дяденька военный. Из кармана его синих галифе торчало дуло нагана.

Почему джаз "Фасмана" пребывал в тех местах, не столь отдалённых, не знаю. А кавычки ставлю от неуверенности. Вдруг "Фасман" был знаменитостью? Чего не бывает...

Помню, в семидесятых в Ленинграде "звезда эстрады" среди бела дня избила шофера. Он ("звезда") тоже отбывал наказание в "фасманских" местах и тоже участвовал в самодеятельности. Так что с того? Всех теперь именовать "жертвами репрессий"?

Вот прошлой весной на озере два преклоннолетних рыбака свои пенсии сравнивали. Один - участник Великой Отечественной войны, другой - посаженный в ту войну, репрессированный. И до того они душещипательную беседу вели, что мне захотелось прочесть авантюрный роман Наполеона, взглянуть на мазню Гитлера и послушать скрипку Нерона...

Но тогда, ученик 6-г, я восторженно ловил смешинки джаза, таинственных бабочек на берегу Кондомы, сиреневых щурят в озерах за вторым корпусом, стрекоганье самолетиков в высоком июльском небе. И мечтал, мечтал... Не предполагая, что через двадцать лет я буду обязан подписывать документацию по размещению шламонакопителя-хвостохранилища аглофабрики как раз на том месте, где раздувал шею саксофонист и прилетали-улетали импрессионистские «Аннушки»...

В пионерлагере мы были счастливы. Особенно когда нас возили на экскурсию в Сталинск.

Это и есть главное

воспоминание

того пионерского лета...

Нас усаживали во второй, задний вагон и везли от Левого берега по всему кольцевому маршруту.

Гордость кузнецкстроевских пятилеток - трамвай, весело рассыпая звонки, вначале полчасика мотался по пустырькам и уличной неразберихе пригорода. Наконец, глухо громыхнув на мосту через Абушку и подобравшись, он переставал рассказываться и степенно плыл по легендарному, воспетому самим Маяковским городу.

Огромные многоэтажные дома с портиками и арками. Сад металлургов с фонтаном и скульптурами. Проспекты и бульвары в орнаменте цветников и зелени деревьев. Бесконечный ход людей и неумолчные "би-би" автомобилей...

Но вот трамвай наш замирает на конечной остановке - площади Кузнецкого металлургического комбината.

Чудо Сибири - доменные печи красовались на виду у всего города. Они, четыре стометровых гиганта, раз за разом могуче вздыхали и по очереди застилали горизонт оранжевым облаком. Это горновые, огненных дел мастера, выпускали чугуна. Весело перекликались паровозики, растаскивая огромные ковши с огнедышащей лавой чугуна и шлака. А из динамиков неслась над площадью милая сердцу металлурга песня труда на благо родины с указанием имён её здешних героев.

С упоением впитывали наши мальчишеские души эту битву за сталь! И сердца наполнялись чем-то возвышенным, необычным. Так бывает, когда глядишь в телескоп на звездное небо либо когда впервые ступаешь на Графскую пристань в Севастополе....

*Впрочем, есть и другое
объяснение*

тех чувств.

Ту казюковскую заводскую площадь исходили вдоль и поперёк И.П.Бардин, К.Е.Ворошилов, М.И.Калинин, А.И.Микоян, А.А.Андреев, Г.К.Орджоникидзе, Н.М.Шверник...

А еще раньше... на бричке, кутаясь в шинель, проезжал инженерный прапорщик Ф.М. Достоевский... Мальчишкой бегал на озерную рыбалку Валериан Куйбышев... Проводил сходы мастеровых Обнорский...

Вот и дохнул Кузнецк-Сталинск на нас, пионеров послевоенных, тем историческим духом, от которого особой энергией заряжается душа.

Люди приходят и уходят. А всё, что накопили и несли они в себе, - остаётся. По закону Сохранения. Остаются дела, воплощённые мечты, вкусы и привычки, навязанные бытовавшими до нас знаменитостями. И это прекрасно! Ибо они формируют Мир, в который мы приходим жить.

Ах, если бы мы в последние десять лет зачитывались бы не "Исповедями", "Бросками", а Вернадским да Циолковским, - каких вершин и глубин достигли бы в этом вопросе!

Но, увы, вместо "Вечности жизни" - набоковская "Лолита", вместо "Монизма вселенной" - "Поющие в терновнике"... Так уж цстроилась наша жизнь.

Но тогда Город-сад, исполин КМК и ковер-самолет, рассыпавший звонки по проспектам, уносили нас в страну физиков и лириков - за мечтой, щедро одаривая улыбкой горношорского неба, метелью тополиного пуха, стреляющей в гранёный стакан газводой, пятикопеечным мороженым и радостными песнями Дунаевского, от которых хотелось вечно любить свою Родину и ненавидеть её врагов.

Библейских истин тогда в школах не преподавали. Они просто были записаны в Конституции. Не все, естественно... А что до ноосфер в тогдашней науке дело не дошло, так, может, и хорошо. Сегодня бы и это дело во вред повернуться могло...

По данному поводу вспоминается дядя Миша - рыбак, сосед по нашему дому на Кирова, 10.

Сидит он на лавочке у подъезда и втолковывает нам,

что все непорядки нынче оттого, что церковь плохо работает. Вот раньше, мол, особенно в Европе средневековой, попы молодцами были! Как кто изобретёт новое - враз его на костёр. А сейчас? Придумает человек какой-нибудь целлофан - ему премию дают, медали вешают. С того, считает дядя Миша, всю природу и загадили. В речках один чебак остался. Да и тот глистастый.

Про ядерные испытания и про европейскую цивилизацию он вообще размышлять переставал и рыбацкой развалочкой отправлялся к доминошному столу под топодем...

На том и кончаются мои догадки об истоках любви к Новокузнецку, куда в 1955 году приехал я из Кемерова и поступил в Сибирский металлургический институт имени Серго Орджоникидзе.

В Новокузнецке я прожил тридцать три года. Три раза вокруг земного шара прошагал по его улицам и площадям. Сотню раз улетал и прилетал его самолётами. Тысячу раз уезжал и приезжал его поездами, электричками и автобусами. Десятки штормовок, сапог и унтов извёл, завоёвывая доверие окрестной тайги. В доброй сотне заводских цехов и сооружений причастен был к новокузнецкому рабочему делу...

Поэтому надеюсь:

а вдруг

во времени и пространстве

найдется пристанище

и моему Слову?

Слову о городе, который я люблю,

о его людях, с которыми душа к душе живу.

О Природе, которая его обнимает.

Кузнецкая
поэма

Ты спи,
 мой город,
Ты устал безмерно...
Спи беспокойным,
 гамлетовским
 сном!
Я выйду в ночь.
 где фонари
 так скверно
пытаются
 сквозь мрак
 луне помочь
Ты спи.
 А я
припомню по порядку,
пока заря не вздыбила восток,
твой первый камень,
 первую палатку,
твой первый дом
 и первой домны вздох...
Как вещей сон,
как девичья стыдливость,
как в старости унылой
 детства свет.
живет в душе
надежда в справедливость...
Да только
 справедливости всё нет.
Уже усилий прошлого жалеешь.

Уже не в радость праздничный денёк...

А все ж таки,

как юноша,

лелеешь

надежды той священный огонёк!

И, умыкнувши память у порога,

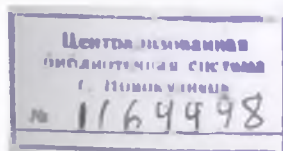
страстей земных бадью доосушив,

спешишь туда,

где вечности дорога

сливается

с тропинками души...

Шаман вещал...
 Взирали звёзды зорко.
 Давила ночь на плечи кедрача...

О чём
 в ту ночь
 вели беседу шорцы?
 ЧТО этот миг для жизни означал?

Пел бубен,
 что пришли сюда
 чужие.

Изводят лес.
 И ставят здесь острог.

Никто ещё

до жизни и при жизни
не разводил

в тайге

таких костров!

Знать, не пугают их калмыков стрелы,
знать, пики их кыргызские не ждут,
коль возят лес,

держа коней за стремя,
и по ночам костры над Томью жгут...

Кричал шаман...

Гудел утробно бубен.

А Грамота гласила с красных строк

Указ о том,

что здесь поставлен будет
по цареву велению острог!

А Грамота гласила,

что отныне
тому судья нагайка и тесак,
кто не снесёт

железо и пушнину
и к осени не выполнит ясак.

Давно в округе пихты поменялись.
 Служивые не ходят в холостых...
 Полковник-комендант Борис Сенявин
 поставил церковь с ликами святых.
 Над старым частоколом

в три сажени
 взошла стена из тёсаных камней,
 и сказывают внукам о сраженьях
 замшелые отметины на ней...

От шорских ковачей доход России
 весом был
 в государственной казне.
 Вновь присланная грамота гласила:
 "Острог именовать как град **КУЗНЕЦК!**
 Да будет **ВОЛК**

ГЕРБОМ его
 у входа.

Да будут
 в нём живущие
сильны!"

И рывкнули по знаку воеводы
 шестнадцать пушек с городской стены.

Весною - летом ли,
не ведаю,
но вижу ясно, как сейчас, -
вот едет шорец на телеге,
дорожной утварью бренча.
По травам едет,
чуть притоптанным,
в пёрюке* задом наперёд,
по мелколесью
над протокою
и песню странную поет:

*"Солнце светит
Высоко.
Шорцу ехать
Далеко.
Шкурка сдал -
Купил табак.
Заходил
Большой кабак.*

* Пёрюк - шорский головной убор.

*Кедра лазил.
Шишка бил -
Много
Пороха купил...
Солнце светит
Высоко.
Шорцу ехать
Далеко..."*

Но что там?

Не шайтан ли это бродит,
заблудший из таежной стороны?
Нет. Это звон цепей с большой дороги
от крепостной доносится стены.

Кандалный звон.

Тупой. И неустанный...

И видел шорец,

стоя на холме,

как гнали человеческое стадо
к Кузнецкой

пересылочной

тюрьме.

...Сошлись со скрипом крепости ворота.

У полосатой будки встал казак.

И долго пыль висела над дорогой.

И долго сохла

шорская

слеза...

Что помнят эти стены вековые?
Пойди узнай...

Гноили бунтарей
романовские псы сторожевые
похлеще после избранных царей!

*У нас в России с памятью не шибко.
- Попы достали... Церкви рушь!
Лады?.*

*А кто виной?
- Виной, конечно, Сталин.
Да из его правительства шуты...*

Я помню - дом Обнорского ломали.
Такое возмущение сперва!
Вопрос в печати даже поднимали.
А после -
растасчили на дрова...

А лиственницу -
 ту, что Достоевский
 любил
 и под которою мечтал, -
 её же наш прораб
 новокузнецкий
 смахнул,
 когда шоссе́йку делать стал...

По безответной инициативе.
 по злобе,
 по неведенью души
 таких делов мы понаворотили,
 содеянное ране сокрушив,
 что от Кузнецка -
 от картины прежней -
 остались только малые следы...

*А кто виной?
 - Виной, конечно, Брежнев.
 Да из его правительства шуты...*

Потом взялись за шахты,
 за заводы -
 за всё,
 до пионерских лагерей.
 Все десять пятилеток
 за три года - козе под хвост...
 Знай новых бунтарей!

*Уж мы отцам и дедам
 удружили -
 Выходит, что зазря они прожили...*

Мы даже не жалели
 ни скульптуры,
 ни тех "лягушек"
 в городском саду...

*А где идеи?
 Где архитектуру,
 где наши Души
 правнуки найдут?
 Какое потом следствие покажет,
 куда чего людишки унесли?..
 А камни - что?
 Чего они расскажут?
 Лежат себе...
 И мохом обросли.*

И эти строки
 Ленина-поэта
 живут на сердце
 всех трудяг
 Земли!

Он вычислил народам путь тернистый -
 от скорбных дней
 и до победных дней.

*- Ах, если бы он не был атеистом!
 Да если бы...*

Да Богу-то видней!
 И Пятилетки
 именов России
 в историю вписали с красных строк
 легенды о Магнитке,
 о Турксибе,
 и о тебе легенду,
 Кузнецкстрой!

ЛЕГЕНДА О КУЗНЕЦКСТРОЕ

*"Я знаю - город будет,
я знаю - саду цвезть,
когда такие люди
в стране
в советской
есть!"*

В. В. Маяковский

Швыряли грязь лопатами,
на дождь осенний злясь,
и по штанам лампасами
текла в ботинки грязь...
Пока две тачки вывезешь -
канавка вкривь и вкось -
попробуй точно выведи
намеченную ось...

А инженер измученный
Парторга жмет к стене:

*"Конечно, это - мужество,
Да толку в этом нет!
Хоть пару экскаваторов
На тыщу лошадей!
Угробим мы, товарищи,
Без техники людей..."*

**Конкурсный проект монумента строителям Кузнецкстроя.
Автор Павлов В.П. (1965 г. Не осуществлён)**

Да только кузнецкстроевцы
 совсем не тот народ,
 чтоб к технике пристроиться -
 и папироску в рот.
 Свои машины заново
 построим.

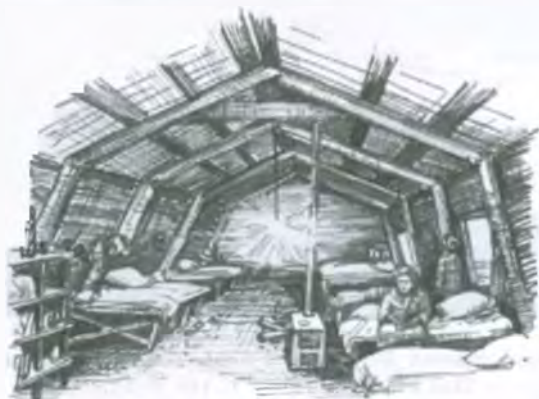
А пока -
 берёшь лопату за ногу
 и тачку за бока.

И вместо экскаваторов
 с зари и до зари
 впрягались в тачки КАТАЛИ,
 копали ГРАБАРИ...

И над хребтами горными
 летела птицей весть,
 что скоро

вместе с городом
 завод построят здесь.
 Что будут в этом городе
 сады -

тайге под стать.
 Что будут люди
 скоро здесь
 варить чугуны и сталь!

Вверху, внизу - колония.
Бараки для жилья.
Картёжными колодами
вошла в семью семья.
Что правда, а что соврано, -
попробуй разберись.
Все так перетасовано -
хошь плачь, хошь матерись.

Вокруг хозяек заспанных
детишек - как опят.
Мужья приходят за полночь
и как попало
спят...

Зато на склоне северном
в коттедже свет горит.
Американец Эвергард
коллегам говорит:

*- Затянется строительство
еще на пару лет...
За русское правительство
нам думать - смысла нет...*

А рядом, в доме рубленом,
цигарками чадят
специалисты русские,
на Бардина глядят.

Академик И.П. Бардин

Событья очень важные
докладывает он:

*- Пришло два экскаватора
от фирмы "Мэрион".
Ещё нам пару "опелей"
прислать на днях должны...
Короче, с землекопами
дела не так важны.*

Иное дело - сварщики.
 Монтаж - на высоте.
 В Европе - там, товарищи,
 условия не те...
 Цепочкой сроки связаны -
 придётся подналечь.
 К весне задуть обязаны
 мы доменную печь!

И май пришёл...

С раскатами
 оркестров духовых,
 С цветами и плакатами,
 с улыбкой горновых.

И праздничная,
 гордая,
 трубя в фанфары свеч,
 над первомайским
 городом
 держала домна речь:
 - О, смелые люди! Ваш подвиг велик!

*Века над Сибирью прошли чередою,
и руды ржавели в утробе земли,
и уголь чернел от разлуки с рудою.
Но вот вы открыли сокровищ тайник,
вы дали мне жизнь, вдохновенье и силу.
И горн мой, закованный в панцирь брони,
зажётся навеки огнём негасимым...
Трубите, трубите,*

фанфары весны!

И в этот торжественный

день Первомайский

вы, гордые люди Советской страны,

Мой первый

кузнецкий

чугун принимайте!

Сгорали вёсны синие
багрянцем октября.
Мели метели зимние
десятый год подряд.
Кипели реки вешние.
Неистовал мороз.

*Но рос завод,
и вместе с ним
красавец Сталинск рос!*

Дышали домны жаркие.
Синела Томь-река.
Над скверами и парками
клубились облака.
Качали пихты ветками,
вершины приклоня.
И улицами светлыми
летал трамвай, звеня...

Сегодня за депрессией,
за нищенской сумой
клянём мы те репрессии
в крутой тридцать седьмой:
- *С копейку было небо там
в Гулаговском аду...*
Ах, если бы их не было!
Но - были
на беду...

*Как это было вначале?
Мы друг на дружку стучали...
Как это стало потом?
Не виноватый никто...*

Так виноватыми стали
только В. Ленин, И. Сталин...

И в наши дни не в качестве угроз
давно пора задать себе вопрос:
- *Вот если б наводить порядок стали,
КАКОЙ теперь потребуется
Сталин?!*

Двадцать второго июня
мирно дышал комбинат...
Город, как девушка. юный,
нам подавал лимонад,
вёз на росистых трамваях
и на автобусах мчал...

Только,

билет отрывая,
зябко кондуктор молчал.
Только водитель трамвая
в сторону что-то косил.

Только,

воды выпивая,
сдачу никто не просил.
Только у арки завода
вдруг стенгазета снята.

И не игрался у входа
маленький летний фонтан...

Будто бы чувствовал каждый
страшную чью-то вину...

Так вот,

*проснувшись однажды,
встретил ты, город,*

Войну.

**ПОДВИГ ИНЖЕНЕРА КМК
НИКОЛАЯ М.**

Ему не приказали,
не просили
прикрыть отход.
Он сам остался тут.
Остался мстить
от имени России.
И молча ждал,
когда ОНИ ПРИДУТ...

Когда ОНИ взошли на гребень сопки
и охнула земля
от вражьих
ног,
ОН ИХ УБИЛ...
Троих,
десяток,
сотню -
неважно, сколько.

Важно - СКОЛЬКО МОГ!

Но маленький окопчик
от осколка
на этот раз не мог его спасти.
И в мёртвого
они стреляли
долго.
Но так и не решились подойти.
И даже
новых валенок не сняли.
Со страхом стороною обошли...

Он был - ОДИН-
ЕДИНСТВЕННЫЙ ХОЗЯИН
НИКЕМ НЕ ЗАВОЕВАННОЙ
ЗЕМЛИ!

*Западный фронт
г. Руза
30 января 1942 г., 4 часа утра.*

Годы мирные...
 Небо синее.
 Облака стадами плывут.
 И взмывают голуби сизые
 в ту бездонную синеву.
 И, прожилками рек покрытая,
 широко раскинув поля,
 возлежит,
 дождями умытая,
 наша русская
 Мать-Земля.

Годы мирные...
Чертят спутники
Небосвод из конца в конец.
Добрый путь тебе!
Добрый путь тебе,
 город юности Новокузнецк!
Как ты вырос за эти годы...
Сколько силы в тебе таят
корпуса
 могучих заводов
и рабочая мудрость
 твоя!

А заводной комсорг завода
толкает пламенную речь,
не начинённую враньём
из хитровыбранной палаты,
а подтверждённую
зарплатой,
образованьем
и жильём!

КАК строили мы доменную печь?

Чертили чертежей

шестнадцать тысяч.

Строитель всё, что надо, в них отыщет
от самого фундамента до свеч.

И получай.

любимая Страна,

как намечалось,

в Западной Сибири

пять тысяч тонн

за сутки

чугуна

от доменной печи -

крупнейшей в мире!

ТАК строили мы доменную печь...

КОМСОМОЛЬСКАЯ СВАДЬБА

*Неразлучной родиной
стал, Запсиб, ты Наденьке.*

Много было пройдено -
мало было найдено.

Был любимый

с высшим,

был любимый

просто -

ничего не вышло,
всё осталось в прошлом.

Правильно,

неправильно -

некого спросить...

Из Москвы направилась
прямо на Запсиб.

Встретили

что надо,

выдали аванс.

Говорили Наденьке:

- *Надеюсь на вас...*

Может,

помоталась бы

по свету

ещё.

да теперь -

монтажница,

цепь через плечо.

Да теперь -

заочница.

Знания растут,

а когда захочется -

можно

в институт...

И себе под пару
Надя

с высоты
выглядела парня
дивной красоты.
Пограничник бывший -
добрый и высокий.
Для подруг обычный,
для неё
особый!

Свадьба комсомольская -
пей,

не проливай...
*Пусть на Надю молятся
те, кто прозевал!*

ГОРНОВОЙ

*Памяти
Александра Кривобокова,
Героя Социалистического Труда*

Во всём,
 как дома,
он был уверен.
Питала домна
к нему
 доверие.
К большому,
 прочному,
к работе жадному,
в спецовке войлочной
цвета ржавчины...

Но как-то
 домна
шла с перекосом,
швыряла долго
горячим коксом.
И отступили,
борьбой измученные,
обессиленные
 его подручные.

А он,
какой-то
невозгораемый,
в огне спокойно
с ней разговаривал.
И слушал долго
её,

как доктор,
и кислорода
давал ей вдоволь.
Она мучительно
шла на поправку.

А он
подсчитывал
потери в плавке...

И шёл,
огромный,
огню навстречу,
готовый
домну
взвалить на плечи,
готовый
сдвинуть
ковши рукой...

*Мы все завидовали
Любви такой!*

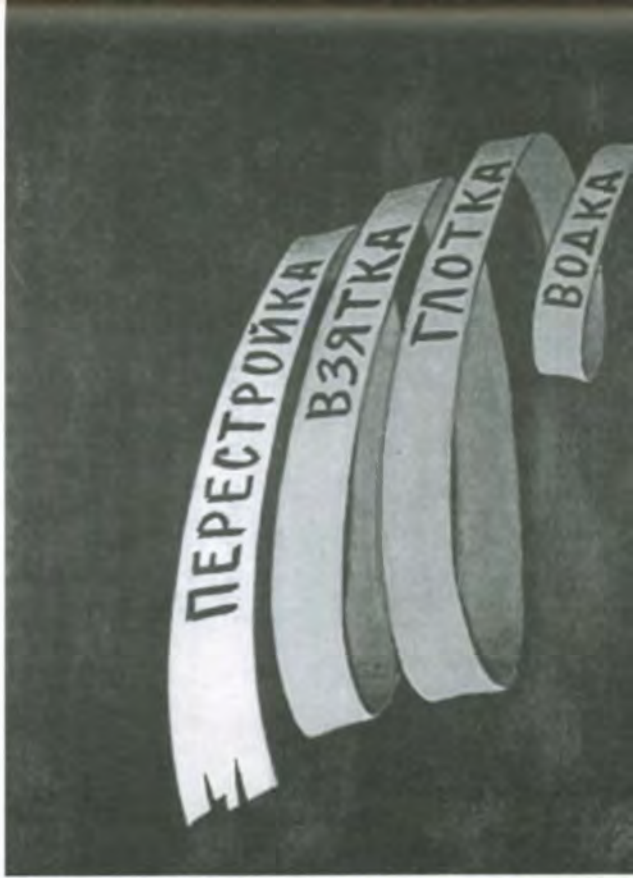

Ах, как мы жили весело,
открыто!
Варили сталь,
агломерат пекли...
Покудова акулы Уолл-Стрита
с Гудзона
нашу Томь не засекали...

Нью-Йорк. 2002 г. Вид со стороны кладбища

Попробуй
достиженья наши
скрой-ка?!
И... понеслась
крутая
"перестройка"...

Ой, Земля моя

Кузнецкая!

Ты любовь моя

и срам.

Продавали власть советскую
пролетарии сих стран...

На защиту

потребительских,

матерьяльных

своих

благ

по гробам прошли родительским,
затоптали

алый флаг...

Ой ты, площадь пришахтовая,

Междуречная тайга!

Выходила жизнь фартовая,

Да не вышло ни фига...

А всё козлы-работодатели,

что не хотят нанимать,

да родители-предатели,

что не хотят понимать...

Ой, пойду на речку быструю -

Из берданки застрелюсь...

Да по-новому -

не выстрелю,

Да по-новому

напьюсь!

О, Родина моя!
Лукавая нужда
По хижинам твоим
И по твоим дворцам!
Отцы и сыновья -
Отрада и вражда.
И вовсе не стоит вопрос -
КАК жить отцам?
И вовсе не стоит вопрос -
КАК жить сынам?
О, Родина моя!
За что в бесчестье нам
Сиих лихих годин
Дала ты заглянуть?
За что, я не пойму,
Позор на взлёте дней
Народу моему,
Красавице-стране...
И матери моей.
И моему отцу.
И деду моему.
И прадеду...
И мне?
О, Родина моя!

ТАНКИСТСКОЕ

Сержанту В. Шкидерову

Я в бой иду...

Набрал боекомплект.

Горючим баки до краёв залил все.

Проверил связь.

Врубаю полный свет...

А у меня - водитель застрелился!

Под башню - грязь,

по триплексам - ни зги,

в наушниках - фокстроты из Канады...

Ну, всё!

Я сам сажусь за рычаги

И сам себе "Вперёд!" даю команду.

Когда произошёл страны обвал
и лицезрел Новокузнецк по телеку
про то,
 как поп иуду целовал -
я понял, что не всё ещё потеряно...

Скорее даже
 всё наоборот -
очистится от мерзости народ,
утерянную совесть
 обретёт.

И светлый день
 в Отечество
 придёт!

В стране СВОЕЙ,

от Крыма до Курил,
не оскудись под пряником и плетью...

Её ведь не Колумб в сердцах открыл -
она с Христом прошла Тысячелетье!

И не одна

у ног её

Орда

раздавленной гидрою лежала...

Живёт она.

*И будет жить всегда -
вовек непокоримая Держава!*

И вот теперь,

когда

из наших дней

вся пирамида прошлого видней,
к Земле, которой нет тебе родней, -
не оскудись...

Будь памятью на ней!

Как Томь-река,

что от истока помнит берега,

и в буйстве трав

и в снежности тайги

спешит в объятья матери-Оби.

Так ты,

перековавши взгляд на взор,

переживи

и славу,

и позор...

И правду,

совесть,

честь

не позабудь

с собою взять

В НОВОКУЗНЕЦКИЙ ПУТЬ!

Три столетия назад
 вот по этой холмистой дороге
 шёл весёлый стрелец...

И вот здесь,

положивши пищаль,
 наклонился к ручью,
 домотканые полы кафтана
 деловито заткнув

за тугой кумачовый кушак.

И увидел себя -

молодого,
 с бородкой курчавой,
 в шапке новой

собольей -

стрелец тот

в студёном ручье.

И поднялся
 счастливым,
красивый,
 довольный собою.
Рот ладошкой отёр.
И, пицаль примостивши,
 с плеча
в тот вон камень пальнул,
на котором сидела ворона, -
точно так,
 как сейчас...

А потом рассмеялся стрелец
и легко зашагал
вот по этой весёлой дороге
вдоль Абашевки-речки
в родимый свой город
 Кузнецк!

Три столетья спустя
я по той же дороге шагаю....
Справа - дом,
слева - дом.
Сверху солнышко плечи печёт.
Уцелел ручеёк...
И вода в нём
 почти не другая.

И внизу Томь-река
по крутым перекатам течёт...
А на склоне холма,
где пицаль свою скинул служивый,
у шахтёрской избы,
на помытых ступеньках крыльца,
своих куколок-деток
на тряпочках спать уложила
раскрасавица
 прапрапра-
 внучка того же стрельца!

An aerial photograph of a city, likely Yerevan, Armenia. The image shows a wide river with a bridge crossing it. On the right bank, there is a large, multi-story building with a prominent tower. The city is surrounded by lush green trees and hills. The text "ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ" is overlaid on the image in a bold, red, sans-serif font with a white outline, slanted upwards from left to right.

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

...Я ковырял ногтем ножку грузного (ещё наркоматовского) стула, на котором одиноко примостился в конце длинного заседательного стола.

Начальник главка, за спиной которого через огромное окно виднелись крыши апартаментов ЦК КПСС, читал нашу пояснительную записку.

Дочитал. Отодвинул к электронным часам...

- Сколько вам лет?

- Тридцать один.

- Пора уже "тонель" через два "н" писать. Или он у вас очень коротенький?

Задумался. Скопился на нашу записку и докончил:

- Хотя... Магнитогорский ГИП куда постарше вас, а в "галерею" два "л" вставляет. Она у него, наоборот, видать, длинная...

Молчу.

Перед глазами наш студенческий любимец - профессор Вознесенский Алексей Алексеевич. Читает он лекцию, мелом по доске черкает.

И вдруг - впереди сидящему:

- А ну, мил человек, скажи - как "больше" пишется?

Уголкем куда?

- Направо! - хором подсказываем мы.

А он через полчаса опять:

- А ну, мил человек, уголкем куда "меньше" пишется?...

Но сейчас я молчу. Минчермет - не институт. А начальник главка - не Алексей Алексеевич...

- И подо ЧТО вы лимиты получать будете? Под минздравовскую статистику? Да у них даже методики нет! А по статистике, в коксохимпроизводстве одни долгожители...

Начальник придвигает к себе пояснительную записку.

- Под "Семьсот девяносто второе"... Совминовское. По воздушному бассейну, - обречённо выкладываю свой последний козырь.

Зелёные цифирки на электронных часах замигали бы строе положенного.

- Интересно... И где же вы там природный газ нашли?

На сей раз я молчу панически. Ибо ответа попросту нет. А получаем мы мыльджинский газ по газопроводу Парабель - Новокузнецк только на интенсификацию производства. Под чугун и сталь...

У Бруно Ясенского есть один жалкий герой - мелкий банковский служащий. Его забрали на войну и выбили левый глаз. Потом забрали на вторую войну (без левого глаза можно целиться). И он ни с того ни с сего заорал нечто такое антивоенно-коммунистическое, что его повели на расстрел.

"... И когда по полыхающей светом голой луговине к смертнику подошел ксендз и, подсовывая распятие, осведомился о последнем желании, тот, щурясь от света, ответил совсем невпопад:

- Я всегда знал, что одним глазом от них не отделяться..."

Вот и меня тогда прорвало:

- Так, Николай Петрович! Вы же знаете, если эти 236 котлов на газ не переведём, все другие мероприятия - блеф! **Убить же нужно твердую частицу!** Хохлы-то Днепропетровск и Харьков **ТОЛЬКО ТАК** очистили. А мы - колония какая-то...

Зелёные цифирки электронного кубика замигали ещё чаще. И я, в ожидании расстрельного приговора, опять ковырял ногтем ножку наркоматовского стула.

Но начальник союзного главка - это тебе не трибунальская крыса. Ещё раз перелистал записку. Ещё раз отодвинул её к часам.

- Ты на какой улице живёшь?

- На Кирова. В десятом доме.

- А чего гидувовскую котельную пропустил? И Абагурской аглофабрики нету...

- Так, Николай Петрович, - бросаюсь я радостно к его столу.

- Гипроруда не верит в это дело, а Минздрав и подавно!

В общем, "процесс пошёл". Я добросовестно записывал в ежедневник ЦУ. Морщил лоб. Ковырял стул. Вовремя возражал.

Зелёные лапшинки электронного кубика мигали уже в привычном ритме - 60 ударов в минуту.

Последние слова начальские "готовьте основные положения" разливались в душе моей симфонией торжества разума над лицемерием и бюрократизмом, когда я прибыл рейсом 210 "Москва - Новокузнецк" в наш прокуренный, увешанный гобеленами чертежей, графиков и схем кабинет ГИПов Запсиба.

Ну, теперь конец придёт Дракону-смогу. Факт!

И явился мне к полуночи сон...

По всей кузнецкой котловине от Соколухи до Маяковой горы и притомских холмов восходят смерчи угольных дымов. К ним приплываются полтора десятка мартеновских "лисовых хвостов" и всякая мелочь пузатая от аглофабрики, цемзавода и прочая... Скрутившись в одну драконину, это исчадие отправляется по "лаптю" (розе ветров) на Запсиб. Там, раздувшись двоекратно, устремляется вверх по Томи к Старокузнецку.

И вот, набив до отвала пузо ядами алюминиевых, ферросплавных, химфармовских и сантехлитовских отбросов, Дракон о трёх головах нависает над нашими домами. Он начинает через форточки и щели впрыскивать в нас канцерогены. Мы задыхаемся. Мы ищем удобную позу, чтобы забыться сном...

В общем, московский грипп перешёл в Новокузнецкий "хрбр" (хронический бронхит). А "Основные положения" и стихи как раз лучше всего пишутся на амбулаторном режиме... И через пару недель на всеобщем совещании единомышленников мы и порешили битву с Драконом-смогом начать у ТЭЦ КМК!

Вот уже второй десяток лет тянем мы друг из дружки душу на предмет - кто развалил нашу Державу?

И добрых десять лет та же мука новокузнецкая - кто угробил городской воздух?

Да мы сами развалили свою великую Державу!

И мы сами угробили свой городской воздух!

Когда супостаты всех мастей у нас по кусочкам отрывали Прибалтику, Молдавию, Крым, Туркестан... и прочая, прочая... - мы чем занимались?

А мы ковырялись в садово-огородных навозных грядках. А мы обихаживали бытовое ассорти - кухню, ванную и сортир. Сливались в страстях с "богатыми", которые "тоже плачут". Глотали чернуху и порнуху в книготорговских шламонакопителей (уж не по этой ли причине Гоголь писал А.С. Пушкину, что "книготорговцев надлежит вешать без суда и следствия"?)..

Или чем же мы были заняты, когда истреблялся наш горношорский атмосферный бальзам?

А мы строительство очистных сооружений относили на потом, на вторую очередь, временно. Хотя прекрасно сознавали, что нет ничего постоянной временного решения!

А мы санзоны и гидропарки "видали в белых тапочках"!

А мы жильё многоэтажное - поближе к родной проходной...

Так от Москвы до окраин "загадочная русская душа" вершит свои дела "во имя" тогда-то хоть социализма, а теперь вообще не знаем чего...

Вот попробовали бы немцев с французами за Эльзас и Лотарингию подёргать?!

Или у испанцев засохлую Сеуту оттяпать?!

Да даже Аргентина, как котёнок, вцепилась в нос английскому догу из-за островов аборигеновых...

А свалить наши ядерные отходы в натовских Зальцбурггах-Лионах?

А растаскивать по Турциям-Америкам нефть из трубы в Тулоне с Ниццей?

*Вы, европейцы, попробовали бы! А? Слабо?
 Это только мы, "загадочные души", можем. И умом
 нас не понять... Это точно. Другим местом надо пони-
 мать. Брюхом, что ли...*

И когда я, как Дон-Кихот, начитался вредоносных книг, вроде "Основ экологии" Юлия Одума (большеформатный кирпич в 600 страниц), где принципы толерантности и закон Одди доводят инженерное сердце до поэтического экстремизма, явился мне второй, главный сон...

Огромный, застеклённый по периметру зал заседаний нашего нового запсибовского заводууправления. Только почему-то он на месте СУ-11, где основные рапорты по ходу строительства проходили... И высоко очень - весь завод просматривается. А город - от Сосновки до Бунгура - как макет. Однако небо и реки живые. Облака движутся. Перекаты чешуёй переливаются. Вот людей и автомобилей нет. Или не различаются отсюда...

В зале свет июньского лета. Оттого просторно и празднично.

Мы, проектировщики, отдельной стайкой в юго-западном углу. Отсюда - панорама от Абагура до Ильинки. Перед глазами всё, что отцы и деды наши за полвека настроили...

У противоположной стены, в торце стола, обставленного пустующими стульями, "военный совет запсибовского фронта": сам "дед" (Леонид Сергеевич Климасенко) - директор Запсиба, Иван Михайлович Звездов - начальник строительства, Иван Белый - парторг комсомольской стройки... То ли они там тактику вырабатывают, то ли из Москвы чего хорошего получили, только лица разглажены от забот и креслица на шариках-колесах нет-нет да и откатывают в сторону окна, откуда наше детище, как из самолета, рассматривается.

Отдельно, у другого угла, ОКСовцы и строители. У них из озвучиваемых жестов и табачного дыма рождается ещё один замысел трудового подвига союзного значения. Это уж точно! Вон даже невозмутимый начтехотдела Бобко неумело сунул в рот сигарету из пачки своего зама Гетманского. А сметный

начальник Челенко на подоконнике чего-то в папке бездонной выискивает...

Один только главный инженер ОКСа Петр Михайлович Семин глядит не поймешь куда с привычной задумчивостью бывшего комбата артиллерии РГК в Великую Отечественную. Он уже давно вычислил, как и когда обрушивать приданную ему мощь - монтажников и пусконаладчиков, бетонщиков и шахтопроходчиков, сантехников и отделочников, электриков и связистов... И он только изредка переговаривается со своим начальником А.П. Фойгтом, пригибаясь к нему через отдельный стол, за которым они расположились, разглядывая синьку генплана.

Фойгт А. П. - зам. директора по капитальному строительству (1962 - 1974)

Чугурян Г. С. - начальник комплекса строительства доменного цеха ЗСМЗ (1969)

Иногда к ним "подгребают" молодой ироничный Жора Чугурян, любимец Звездова. Он, придавив указательным пальцем ухо, застывает подле них, как в перовской картине "Охотники на привале" тот, третий... Оно и понятно. Ему потом разговорчики эти в протоколе объявятся отдельными пунктами. Тут не то что ухо прижмешь. Тут на одной ноге, как цапля, застынешь...

Проектировщики, строители и заводчане - единое братство. Однако главные лавры за ударную работу достаются строителям. Стереотип "героя-строителя" и "проектировщика-вредителя" породила журналистская братия. Ясное дело - раз экскаватор задрал голову, как голодная черепаха, а рядом сплошной перекур с дремотой, значит "Промстройпроект" чего-то в чертежах напортачил! А то, что перекурщики не там копают и не так копают, в газетную строку негоже. Комар-читатель крови жаждет! А она у вальяжного промстройпроектковского представителя Толи Краснопеева куда вкуснее, нежели у строительного начальника Павла Варфоломеевича Молчанова, который враз пошлёт... куда и врачи редко заглядывают!

А вот уж сантехпроектковский представитель Толя Батенков на неотступную критику давно... кирпич... положил.

У него один ответ:

- Давай чертежи. Будем разбираться.

И нет вопроса. Отстают. В его чертежах, кроме нас, никто не разберётся. А работу по ним производят те люди, которые без Толи (и его сметы) прожить не могут. Вот обозленные от сокрытия сути дела газетчики в каждый свой лапоть про Сантехпроект лыко и вплетают...

Единственный, кого в колонку "ошибки проекта" не засунешь, так это тяжпромэлектропроектовец (удобнее по слогам читать) Коля Стуканов.

Он хитрую тактику избрал. Опережать наловчился. Забегит ещё до рапорта в будку к электромонтажникам и порешает наболевшие вопросы. И будь здоров, не кашляй...

Так и проскочил, почти не пощипанный, по всем рапортам.

Вот и сейчас сидит в сторонке. Внимательно-улыбчивый. И пальцы перед собой на столе сцепил..

Он и потом, в начале нового века, так и не "перестроился". Вместо частных шарашек институт свой сохранил целостным. Так же сидит сегодня в своем директорском кресле. И портрет Ленина вовремя со стены не снял. Уперся... как Лукашенко. Он ведь, Стуканов Николай Гаврилович, тоже белорус. А они, белорусы, и фашистов в Великую Отечественную в свой парти-

занский болотный край не шибко впустили. И в девяностых либерал-националов выперли... И даже флаг советский с гербом не поменяли. Чего с них, "совков" упертых, возьмёшь?

А Коля Стуканов свою тактику еще в 1942 году на немецком ефрейторе опробовал. У Стукановых в домашнем хозяйстве за каждым членом семьи была живность закреплена. За четырёхлетним Колей - курица. И когда Ганс из Дюссельдорфа сгрёб несушку в углу плетня, Коля вцепился в нибелунговскую ляжку: "Моя кура! Отдай!"... И Ганс отдал. Как отдал потом всю Белоруссию.

Стуканов Н. Г. - ныне генеральный директор
"Сибирского Тяжпромэлектропроекта"

Мы раньше тоже неуступчивыми были. Это когда из Белой Руси по Березине да Припяти в Днепр сплавлялись на расселение. А потом по Днепру - до Волги. И так далее...

Это уже когда до Томи пробилась, прыти-то у нас поубавилось. Как говаривал мой друг, комбат Великой Отечественной Глеб Холоденин:

*Лучше поговорки
Подберешь едва ли:
Знать, крутые горки
Сивку укатали!..*

Вот и все участники того сна...
Остаемся мы - ГИПы Запсиба.

ГИП - это главный инженер проекта. Вот назови главного инженера завода ГИЗом или главу администрации - ГАД, вконец разобидятся. А мы веками так именуемся. Как каперанг, старлей, чекист. И совсем не замечаем игривости в поименовании этой весьма ответственной должности.

Старшим у нас Аркадий Григорьевич Шойфот. Он раньше всех был назначен Минчерметом. Поэтому в нашей троице его именуют "Ильей Муромцем".

Мертвецов П.Н., Шойфот А.Г. и Карпов В.К. (слева направо)

"Добрыня" у нас - Вениамин Карпов. Внешне он постоянно приближался к своему былинному прототипу. И если бы не "перестройка", большие подвиги ему выпадало вершить на благо металлургии нашей Державы!

"Алёшей Поповичем" был я. И очень мне служба моя по душе была. Таким богатырям помогал в битве за сталь. А она, сталь советская, первейшей в мире являлась по всем показателям...

Сидим мы, значит, с Добрыней в своем юго-западном углу и "Аркаше" внимаем.

А он при планках орденских, фронтовых и трудовых, со значком "Альпинист I степени" последние ЦУ нам выдает:

- Вы, Вениамин Константинович, темплан срочно корректируйте...

- Вы, Павел Николаевич, с аглофабриками разберитесь...
И тут все утихают.

Климасенко внаклон, "дедовской" походкой к головному поперечному столу устремился. А сам на ходу оглядывает собравшихся.

Климасенко Л.С. - директор ЗСМЗ (1962 - 1974 годы),
Герой Социалистического Труда

Постоял у стола. Рубашка на все пуговицы застегнута. Седой. Пышноволосый. Глаза цепкие. Голос хрипловатый...

- Начнём, товарищи... Аркадий Григорьевич, давайте по перспективе...

Лето 2002 года...

Аэробусом приземляетесь в аэропорту "Новокузнецк".

Пробираетесь через толчею пассажирскую к маршутному автобусу.

Через полчаса вы на просторе привокзальной площади. Отсюда тремя потоками по проспектам Металлургов, Курако, Бардина растекается трудовой люд легендарного дважды орденоносного детища Кузнецкстроя...

Не зря у его градостроительных истоков стоит "Ленгипрогор". Простор и монументальность, промышленная и парковая архитектура, транспортные и пешеходные потоки - всё грамотно сочетается, дополняя друг друга.

Но главное - НАД ГОРОДОМ ЧИСТОЕ НЕБО!

Потому как не подпирают черные угольные колонны Драконье брюхо. Не питают его тысячетонную утробу "лисы хвосты" мартенов. Не тянутся за ним ядовитые шлейфы аглофабрик, коксовых батарей, цемзавода...

СДОХ ДРАКОН! Как и следовало ожидать, - через двадцать лет после того совещания по перспективе.

Сдох потому, что красноярцы дают нам аскизовский агломерат. Алтайцы - кокс. В дружбе с иркутянами и уральцами украинские машиностроители смогли заменить мартены на конвертеры и электропечи. Белорусы пригнали большегрузные автомобили для перевозки сыпучих... А горьковчане закончили монтаж всеохватывающего межзаводского пневмотранспорта...

Но главное - все котлы угольные мурлычат от удовольствия, лениво посасывая горелками тюменский природный газ.

А заводы со всех сторон кучерявятся сосновыми санзонами. А от Островской площадки вниз по Томи - гидропарки, лодочные станции, пляжи, пруды рыбоводческие ...

А на местах исполинских динозавров (абагурских хвостохранилиц), где зайцы-мутанты в брошенных шламопроводах прятались, - зона отдыха. И пионерлагерь на берегу Кондомы. А в ней опять пескарей множество. Мундыбашскую аглофабрику тоже закрыли. По берегам пятисотметровые охранные зоны восстановили.

И радуется Кондома души кузнечан необычайной переменной берегов своих - от суровости скал, взлохмаченных кедрачами, до изумрудных лугов с одинокими горделивыми ивами и уютными березняками...

Вот так был повержен Дракон огнедышащий на совещании у директора Запсиба Л. С. Климасенко с присутствием всех городских, областных и союзных начальств!

Правда, кабинет "Деда" был всего лишь двадцати восьми квадратов. Окна - на одну сторону. Мебель разномастная. Однако всё остальное в том сне было реальным.

Имена героев и события не вымышленные.

Город с присущей ему хваткой вступил тогда в битву за свое светлое будущее... Однако жизнь распорядилась иначе.

Только казмовцы быстренько сумели перевести свою ТЭЦ на газ. Герои этого - неуправляемый главный энергетик Глухих и неутомимый его помощник - Амфилофий Львович... Да и то не вышло по-человечески: едва осела последняя сажа на Верхней колонии и чёрный занавес за заводоуправлением сменился рисунками заводского быта, как из Москвы явился Протокол. Украшенный автографами учёных мужей, согласованный и утверждённый надлежащими инстанциями, он, Протокол, гласил, что перевод ТЭЦ КМК на природный газ невозможен... по причине дряхлости котлов Симменса! Слава богу, Амфилофий

Львович уже передел персонал из телогреек в халаты...

В общем, всё произошло, как в Китае.

А там, по рассказам московских коллег, было так.

Отправили мы китайцам проектное задание. На рассмотрение направили. И ждём замечаний, чтобы к рабочим чертежам приступить. И потом сметы, рабочие чертежи и спецификации одним махом для их строителей выдать... Целый год ждём замечаний. Не шлют! Тогда мы: "Так-перетак, почему не шлёте замечания? У вас ведь сорвутся сроки строительства..." А они отвечают: "Какие замечания? Какие рабочие чертежи? Какие сметы и спецификации? Мы уже всё по вашим присланным чертежам построили. Спасибо!"...

Потому-то китайцы, видать, теперь и перемещаются на первое место в мире. Не успели они к нашей европейской цивилизации приобщиться. Ничего, потом жалеть будут. Как мы когда-то. Когда великодержавным коммунизмом охвачены были. Когда каждый (хоть не хоть) свои 120 рублей-долларов в месяц у кассы пересчитывал. Когда на кухонных застольях на радость стукачам, хором приобщались к демократическим ценностям:

*- Живите много лет, товарищ Сталин!
И если даже помереть придется мне,
Я верю, будет чугуна и стали
На душу населения вдвойне ...*

Ну, что ж, тепереча, находясь на семьдесят каком-то месте в мире, по ООНовским тестам, мы будем знать, как бороться за свободу негров!

А в том Протоколе меня более всего что поразило? А то, что авторы-составители запретительной "московской грамоты" жили и трудились здесь же, рядышком, и мы по сей день обмениваемся надлежащими любезностями при встрече...

А ещё позднее произошло уже непоправимое. Наша инженерная мысль по инициативе снизу и волеизъявлению сверху была брошена на глобальное решение данного вопроса - на раз-

работку ТЭО (технико-экономического обоснования) дальнейшего развития города Новокузнецка. Это значит - на процветание его промышленности и облагораживание соцкультбыта, куда должно входить и улучшение качества вдыхаемого воздуха... А вся "партизанщина" по данному вопросу заканчивалась. Ибо там (в тридцати с гаком томах) на солидном уровне решались все наболевшие вопросы, включая укукошивание Дракона, именуемого Смог...

А вскорости подул "свежий ветер перемен". Он перерос в ураган "перестройки", который смёл все Госпланы, Госстрои, Госснабы, а заодно все чертежи и сметы вместе с конструкторами и деньгами...

В небоскрёбе Сибирского государственного института по проектированию металлургических заводов ("Сибгипрометзе") свили гнездышки-офисы поборники демократических ценностей, понаставили перегородок и рекламных диковин торговцы движимого и недвижимого имущества. А в подвале устроился "Мужской стриптиз". Это, видать, вместо гражданской обороны: мы ведь теперь с НАТО в друганах ходим...

Год назад брёл я через набитую СО (цэ-о) набережную Абушки, и одна из голов Драконовых плюнула в меня каплей начинающегося кислотного дождя: "У, Дон Кихот зачуханный..."

Тут-то и осенила меня мысль! Она такая.

У нас сейчас демократия.

Никаких Госпланов, Генсхем, Пятилеток.

Значит - никаких государственных лимитов.

Тогда нам, кузнечанам, можно вот что провернуть.

Собираем ежемесячно с каждого жителя по сотне рублей ("стольник" по-нынешнему). Берёт кто-то из нас эти общие 50 миллионов рублей (50 лимонов по-нынешнему). Едет он на Совет директоров ("сходняк") куда надо. И - змеем буду! - отстегнут за полста лимонов в месяц эту несчастную мыльджинскую струйку. Она ведь - попутная, поди на свечах сгорит... А диаметры газопроводов я лично какие надо закладывал. В общем, пропустят они газ на все ТЭЦы и котельные. Слово даю! Честное комсомольское. Запсибовское...

А то Дракон вконец обнаглел!

Сидел я недавно в кабинете у друга своего Виктора Сидоровича Демьянова - бессменного начмеда онкологического диспансера. Подвижника сибирской хирургии... Беседовали на эту тему. Так даже у него рука богатырская притомилаась головы драконьи рубить.

Вот и выходит, что спасенье задыхающихся - дело рук самих задыхающихся. И не более.

Ибо пока "перестройка" закончится, пока "стабилизация" завершится, пока "экономический рост" до конца обозначится и денгю нам на это дело выдадут, - у нас жабры прорежутся!

И да простят меня друзья-кузнечане за ёрничество. а вернее, за этот смех сквозь слезы.

Я верил, верю и буду верить всегда, что придёт время, и город наш явится таким, каким требует Мечта!

Ведь Мечта от Надежды.

А Надежда от Веры.

А Вера от Любви...

А Любовь и есть Бог!

*А ОН в протянутую сыном руку вместо хлеба камень
и вместо рыбы змею не положит...*

*Для этого просто надо быть достойными сынами.
Мы такими будем!*

*Иначе для чего надо было жечь костры над Томью?
Ставить острог?*

*И четыре века кряду добывать уголь и ковать железо... со
всеми вытекающими последствиями?!*

ЛЮДИ

представление
в четырех действиях

Действующие лица:

Богатые люди - 1/10 толпы на площади
Народ - 9/10 толпы на площади
Поэт
Сатана
Помощник Сатаны

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена затемнена.

Просветляется правая четверть сцены. На ней - Богатые люди. Они занимаются своими делами. Реклама банков, казино, ночных клубов и пр.

Деловой городской пейзаж, типичный для 90-х годов.

Одесско-блатные мелодии (вернее. напевочки) сменяют друг друга, как бы осиливая одна другую:

- У самовара я и моя Маша,
А подшафэ по видику стриптиз,
А при подъезде БээМВушка наша,
А на дверях - хранила-каратист!

*Эх, хвост-чешуя,
Не боюсь я ничего...*

Ехал на ярмарку Ванька-холуй,
Вытащил свой деревянный рубль ...

*Эх, хвост-чешуя,
Не куплю я ничего...*

Мянутся «крутые» по Тихому Дону.
Долина Кавказа от крови темна...
Полковник Голицын, продайте патроны,
Майор Оболенский, продайте вина ...

*Эх, хвост-чешуя,
Не боюсь я ничего...*

Просветляется левая (большая) часть сцены.

На ней толпа - бедные люди. Часть - без работы. Нищие у мусорных баков и т.д.

Типичная картина захолустья 90-х годов. Реклама биржи труда, фабрики и пр.

Люди толпы молчаливы.

Один из них поет под гитару:

Листья сыплются с веток
На студеном ветру...

Я родился советским
 И советским умру.
 Продавать не умею
 Ни отца, ни страну.
 Я от страха немею,
 Но спины не согну!

Господа Президенты
 Всяко-разных химер,
 Вы - почти резиденты,
 Я ж «совок» - инженер.
 Продавать не умею
 Ни диплом, ни жену.
 Я от страха немею,
 Но спины не согну!

Господа офицеры
 Новорусских кровей,
 Вы почти уже сэры,
 Я ж - советский старлей!
 Надевать не посмею
 Формы, взятой в плену.
 Я от страха немею,
 Но спины не согну!

Господа коммерсанты,
 Погружённые в жир,
 Вы - одесские франты,
 Я - голодный мужик!
 Воровать не умею,
 И глотаю слюну...
 И от счастья немею,
 Что спины не согну...

Мать-Россия, прости нас
 За лихие дела!
 Ты опять нас, Россия,
 По углам развела.
 И стоим мы врагами -
 Одна вера и плоть...
 И скрипим мы зубами -
 Помоги нам, Господь!..

Просветляется задняя (верхняя) часть сцены. Появляется на балконе Сатана. Он напевает: «Люди гибнут за металл...»

Свет с небес вырывает из тьмы Поэта. Он в нижней, под Сатаной, части сцены, меж Народом и Богатыми людьми...

Голос:

- «...И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул...
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!»

Сцена наполняется солнечным светом.

Площадь Города Мечты. Народ и Богатые люди - по разные стороны.

Поэт - сбоку, на припёке. Сатана с Помощником - над ним, на балконе, под тентом.

Зной. Неблагоприятный день.

Толпа к Богатым людям:

- Вам надо много-много жрать!
Вам надо много-много пить!
Всё у народа отобрать,
чтоб капиталы накопить...

Богатые игнорируют Толпу.

Поэт к Богатым людям

- Толпе не склонные внимать,
 Вы поднимите голову,
 взглядитесь: то не Ваша ль мать
 девчушкой пухнет с голоду?
 Она пять лет как родилась -
 в другом, понятно, теле...
 Вы ж в гроб её скорбели класть,
 Вы ж всей душой скорбели!
 И вот она опять живёт -
 та, с краю, золотушная ...
 Рахит у ней,
 с того живот развесился лягушкой.

Толпа:

- Им наплевать на мать свою
 и на детей со вдовами!
 Они Россию продают
 Америке
 за доллары!

Поэт к Богатым людям:

- Вглядитесь: то не Ваш отец -
 вон тот смешной, как такса, -
 шампунем новый «Мерседес»
 вам моет за два «бакса»?
 Ему всего пятнадцать лет,
 а знатный работяга!
 Он был шофёром, как и дед.
 С того к машинам тяга ...
 Он Вам тогда велосипед
 принёс ещё с полочки ...
 А, может, не отец, а дед?
 Вглядитесь-ка получше ...

Толпа вопиет:

- Чё с буржуями говорить!
Их нужно с корнем истребить...

Эхо:

-Бить ... бить ... бить...

Поэт ко всем:

- Да Вы - одна и та же плоть,
Вам не пристало драться.
Вам вместе повелел Господь
Жить в равенстве и в братстве!

Голос из Толпы:

- Вали! Стихи свои пиши
 о равенстве и братстве...
Мы сами, без твоей лапши,
 сумеем разобраться!

Толпа волнуется...

Богатые люди рассаживаются по автомобилям и уезжают в Храм Спасителя на поставление свечей. Они небожны и аккуратны.

День сменяется закатом, постепенно по всему действию.

Сатана (досадливо) к Поэту с балкона:

- Ты занимался бы душой -
 там опыт у тебя большой.
А я уж, грешным делом,
 сам справлюсь с ихним телом...

Толпа запекает в едином порыве: «Мы смело в бой пойдём...»

Она, Толпа, уходит вслед Богатым людям.

Надвигается вечер.

Ярко высвечивается балкон. На нем Сатана проводит совещание со своими Помощниками...

Внизу, в пятне света, Поэт.

Поэт, глядя на пустеющую площадь:

Воистину печальней нету повести -
Родной народ без чести и без совести!

Сатана (одному из Помощников):

- А ты насчет Народа помолчи.
Сам разберись, где лошадь, где - телега...
Народ хотел свободу? Получил!
Так он теперь ещё и хочет хлеба...
Ха!

(Музыка из «Фауста» Гуно).

*Сатана что-то шепчет Помощнику, кивая на Поэта.
Помощник спускается с балкона и трогает Поэта за пле-*

чо:

- Простите, господин Поэт.
У нас - Общественный Совет!
Вы нам внизу мешаете.
Вы - тайну разглашаете...

Поэт (скорбно):

- Да, да ... Я уйду сейчас от вас.
Сейчас я уйду от вас...

(Уходит.)

*Пустыня, еще затемнённая. Только Поэт в полумраке
края сцены.*

Поэт:

- О, Господи, они хотят свободы!
Они хотят «самим собою быть»...
Они хотят «прожить себе в угоду»...
Про ближнего, как сон дурной, забыть.

Чтобы над каждым - небушка овчинка,
вода, еда, и -

по ветру дерьмо ...

Они хотят свободы, как песчинка
в какой-нибудь там Гоби и Шамо.
О, Господи, они хотят песчинкой быть в пустыне!

Открывается Библейская пустыня. В разверзнутую даль уходит Поэт.

Глас вопиющего в пустыне (эхо):

- Они ведь это ВЗДУМАЮТ ПОСМЕТЬ...
СПАСИ НАС, ГОСПОДИ!
ПУСТЫНЯ - ЭТО СМЕРТЬ!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пустыня. Ночь. Лунный свет высвечивает Поэта. Он удручен. Обессилен.

Поэт:

- Что может быть еще для сердца горестней?
Родной народ - без чести и без совести...

Материализуется из воздуха Сатана.

Сатана:

- К чему народу нынешнему честь?
Он жаждет только пить и только есть
да словом богохульцев исцеляться.

Лупить друг дружку
да совокупляться...

Попробуй эти факторы учеть -
поймешь тогда,
к чему народу честь...

Поэт:

- Почти полвека сеяли, косили,
вершили миром правые дела...
Эх, если б не предатели в России,
КАКАЯ бы страна сейчас была!

Сатана:

- У вас предатель - человек большой!
Особенно когда он всей душой,
всей совестью своею

предает...

ему народ за это воздаёт
с заслуженностью до наоборот...
Да здравствует великий ваш народ!

Поэт:

- Чего народ своим аршином мерить?
Ведь он в своё бессмертие не верит!
Покуда Бог его не убедит,
он похоти своей не поведит.

Не одолеет жадность, лень и спесь -
не обретёт достоинство и честь!

Сатана:

- Чего ж тогда отцы и деды ваши
с полей войны, с заводов или пашен
к Суду явились перед Богом чисты!?

А ведь они -

простите! -

атеисты...

Поэт:

- Отцы и дети!
Вечный наш вопрос!

Сатана:

- Да будет Вам...

Ответ на это прост,
без всяких исторических страстей:
дерьмовых воспитали вы детей!

За тыщу лет вселенского базару
я нагляделся всякого товару...

Из воздуха материализуется Помощник Сатаны.

Помощник Сатаны:

- Простите, Князь, что я Вас отвлекаю...
Куда правозащитника Китая?
Без места моджахеты, ваххабиты...
Там всё американцами забито!
Для нас, конечно, способ идеальный -
переместить их в комплекс виртуальный!

Сатана:

- Ну, нет! Их там испортят дилетанты...
Пускай побродят лучше, как мутанты,
годочка три-четыре по России -
там тоже демократии просили...

Поэт:

- Мы не просили!
Это всё - Америка...

Сатана:

- Кому нужна теперь твоя истерика?
Вы десять лет подряд голосовали -
вон бюллетеней сколько насовали!
Чего опять толчёте в ступе воду?
В том веке вам назначена свобода -
опять свобода,

равенство

и братство.

Успеешь за пять лет туда добраться...

И не куражься больше надо мною -
я не терплю, когда поэты ноют.

Они при всякой жизни (и в гробу)
должны дудеть в победную трубу!

Под звуки пионерского горна все исчезают.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Площадь города Мечты.

Народ (бедные и богатые люди) единой массой - в едином порыве строят, сеют, пахут ...

*В небе три лозунга - «Свобода», «Равенство», «Братство».
В центре, на помосте, Агитбригада.*

Агитбригада:

- В едином порыве

В едином строю

Мы заново строим державу свою!

Народ хором:

- Нет ни бедных,

Ни богатых -

Все теперь равны.

В мире равенства и братства
люди жить должны.

Агитбригада:

- Я рабочий, ты крестьянин,

Он учёный, ты банкир ...

Нас навек соединяют

Дружба, труд и мир!

Народ хором:

- Нет ни бедных,

Ни богатых -

Все у нас равны.

Дружбой, равенством и братством
объединены...

Поэт к толпе:

- Опять хотите сказку сделать былью?!

Неужто вы уже про всё забыли?

Ведь вам наобещали с БэТээРа
 Блаженный рай заместо СССРа...
 Ведь дважды два - четыре, а не пять.
 А вы воругам верите опять!
 Где сбереженья ваши?
 Ваши вклады?
 Где ваша честь?
 Чему вы снова рады?!

ГОЛОС из Толпы:

- Вали,
 стихи свои пиши
 про ненависть к буржуям.
 Мы сами,
 без твоей лапши
 построим всё в ажуре!

Поэт:

- Да я не против собственности частной,
 когда народ богато будет жить...
 А он сейчас,
 голодный и несчастный,
 старается с воругами дружить -
 ничё отсюда доброго не выйдет...
 Награбленное надо отобрать,
 пока ещё возможно, в мирном виде.
 И нечего опять друг дружке врать...
 Во всем по чести надо разобраться,
 тогда придёт и равенство, и братство!

Голос из толпы:

- Вали отсюда, парень, в Катманду!
 И не мешай всеобщему труду.

Агитбригада:

- Уже ушёл двадцатый век
 Из мира навсегда.
 Родился новый человек
 Свободы и труда!

Толпа хором:

- Нету бедных

И богатых!

Нету белых,

Нету красных!

В мире равенства и братства

Люди будут жить прекрасно.

К Поэту, отвергнутому толпой, подходит упитанный холёный парень в черном долгополом пальто-халате с красной повязкой народного дружинника на рукаве.

Парень- дружинник:

- Слышь, ты, мужик! Шагай со мной.

И чтобы руки - за спиной...

Появляется Помощник Сатаны. Он в добротном костюме, показывает «дружиннику» раскрытое удостоверение:

- Любезнейший, оставьте нас...

Шестое ведомство! Спецназ!

Помощник Сатаны уводит Поэта с площади к беседке.

Помощник Сатаны:

- Князь поручил вам передать

прискорбнейшую весть....

Что... по-напрасному страдать

Вам не придётся здесь.

Отныне все вы (навсегда)

не бойтесь Страшного Суда...

Вы не подвластны Страшному Суду,

поскольку вы -

давно уже

в АДУ!

Поэт:

- Как просто всё ...

Суду мы неподвластны,

поскольку все уже живём в Аду.

Вот вам и демократия, и гласность...

О, Господи, да я с ума сойду!

Нет, эти муки мне не по плечу.

Я честно жить и умереть хочу!

Ну почему за этих идиотов

страдать должны порядочные люди?

В Аду торчат

всё время

за кого-то!?...

Помощник Сатаны:

- Да дайте мне сказать... А то забуду.

Князь передать велел:

Вас лично будут

Судить Судом по Новому Завету.

Судить Судом Господним

как поэта...

Помощник Сатаны уходит, иронически договаривая:

- Сейте разумное, доброе, вечное -

Алиби будет у вас безупречное!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ

Поэт:

- Всё кончено - пути к согласью нет!

Народ отверг разумный мой совет.

Он будет вновь обманут и ограблен -

наступит он опять на те же грабли...

Доносятся шум стройки и воззвания Агитбригады.

Поэт:

- Безумье... За народные грехи

да за свои крамольные стихи

тащиться в Соловки или в Бутырки!

Есть лучший путь -

к Божественной Бутылке -

Тропою Инквизитора Рабле!

Тут дело не в добре и не во зле...

Страдальный рок указывает мне,
что истина

воистину

в вине!

Материализуется Божественная Бутылка.

К ней приникает Поэт ...

Поэт:

- Сомнений груз отныне очень прост:

пить иль не пить - вот в чём теперь вопрос!..

Но всё ж и здесь есть промысел бесовский,
коль подойти к вопросу философски:

«Вино - в бутылке.

Истина - в вине.

Но... в верхней части?

Или же на дне?!»

Одно бесспорно -

глупость опьянения

рождает гениальные виденья!

Чего ж терзаться - пить или не пить? -

немедля

к делу

нужно приступить!

*Поэт наполняет бокал и осушает его. Затем повторяет.
И еще...*

Возникают виденья - красавицы всех времен и народов ...

Поэт преображается. Он в эстрадном одеянии.

Вконец заочарованный красавицами-девицами Поэт исполняет фривольный шлягер:

Ах, красавицы-невесты,

Неужели до сих пор

Вам, невестам, неизвестно,

Что мужчины - слабый пол?

А для вас какая радость -
 Мимоходом, без причин,
 Ранить,
 зная нашу слабость,
 Сердце девичье мужчин!
 Сколько,
 пищи не касаясь
 (кто отведал - тот не сыт),
 Укротителей красавиц
 В клетках
 собственных
сидит.

А достигнувшие цели
 И познавшие любовь
 Безнадёжно полысели
 И остались без зубов...
 Пошадите вашу жертву -
 На коленях вас прошу!
 Лично я
 красивых женщин
 За три дома обхожу...

Под воздействием алкоголя и видений Поэт засыпает в кресле, близ Бутылки...

*Виденья испаряются.
 Все настойчивей и громче голоса приближающейся Толпы.
 Социально-политическая перебранка. Выкрики. Призывы...
 Ругачка Толпы пробуждает Поэта.*

Поэт:

- Ну вот.

Опять орут...

Прощай, вино.

Знать, истины постигнуть не дано!

К собратиям по разуму иду

свободу завоевывать в Аду -

в несметный раз

с самим собою драться
за справедливость, равенство и братство...

Внемлите, люди, Божьему рабу!

Иду дудеть

в Победную трубу!!!

Бравурный марш. Занавес.

Аплодисменты. Свист. Выкрики и пр.

Голос дежурного по вокзалу:

- До отправления электропоезда «Новокузнецк - Сарбала» остаётся пять минут...

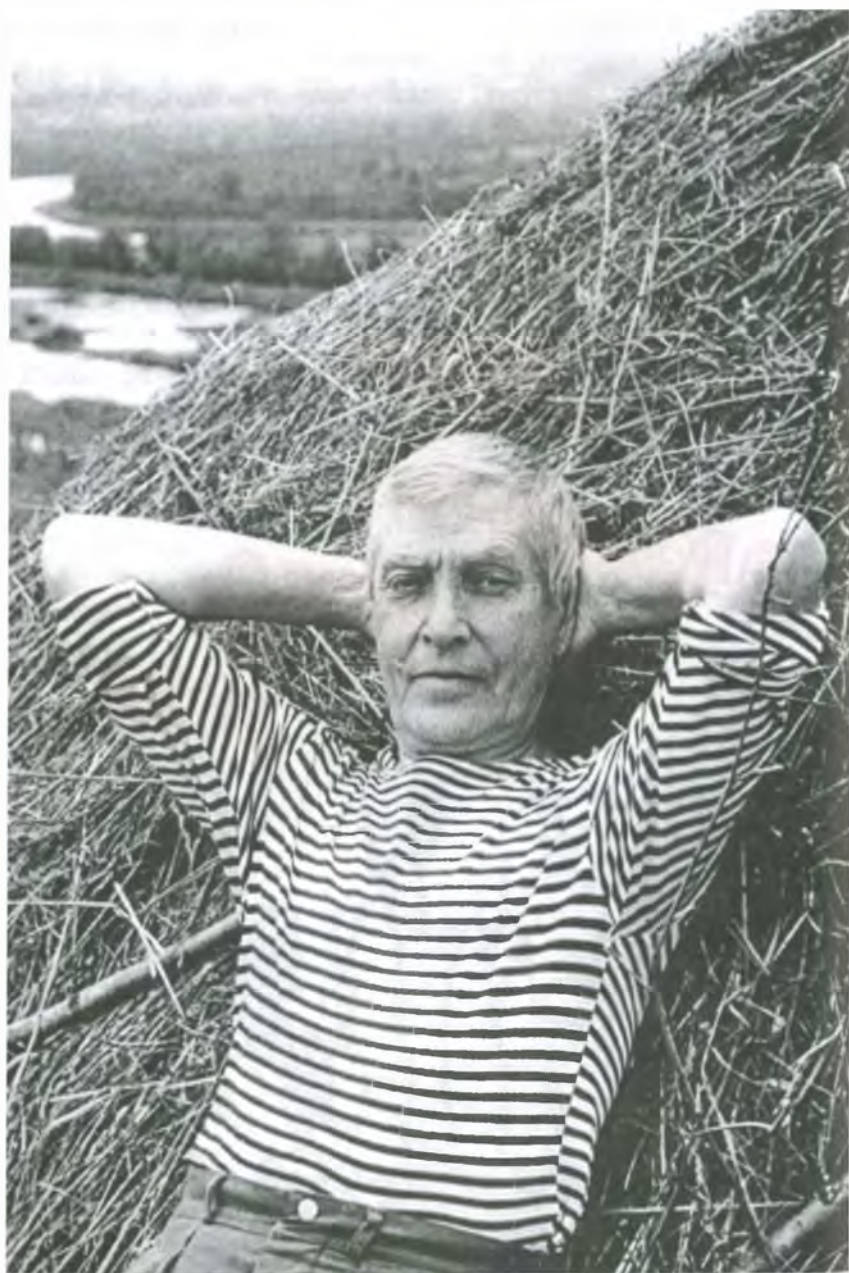

СТИХИ

ДВАДЦАТЬ

ПЕРВОГО

ВЕКА

Павел Майский. Сарбала. 2002 г.

Ну вот... Калитка под рябинкой.
Изба. Померзлый дряхлый сад.
Травой забитая тропинка
С земли на небо.

Через ад...

Здесь и кончается дорога.
А из прожитого всего
Я, кроме времени и Бога,
Так и не понял ничего.

* * *

Я настежь двери отворил!
Я напроць окна выставил!
Господь мне лето подарил
Весёлое, как выстрел!
Я знаю - смерть опять близка.
И по указу царскому
Дымочек вьётся у виска
Советского, гусарского...
Пощады я не попрошу -
Стихи не позволяют.
Вот эти строки допишу,
А там пускай стреляют!

* * *

По океану лжи плыву полвека.
Вдоль берега. В нейтральной полосе.
Сам по себе. И тоже вру, как все.
Без удержу. Во имя человека.

Февраль 2000 г.

* * *

Занятой мечтами про свободу,
Наш народ умнеет год от году.
Ест бананы.

Перестал трудиться...
Скоро в обезьяну превратится

Март 2000 г.

* * *

Живут во мне две страсти по соседству,
Одна другую не пытаюсь сдвинуть.
Я Родину свою люблю

всем сердцем.
Но - без людей.

Верней, без половины.

* * *

*«Умом Россию не понять...»
Ф.Тютчев*

Для понимания ума
Имеется в России Колыма.

Май 2000 г.

* * *

Вот оно, детство счастливое...
 Дом земляничкой пропах.
 Через покос сиротливая
 В гору уходит тропа.
 Под позолоченным небом,
 Речкой сверкнув у моста,
 Быль перепуталась в небыль,
 Сказкой задумчивой став...
 И далеко над дорогой,
 Где человечек идет,
 Месяц,
 сиятельно строгий,
 Первую звёздочку ждет.

1 июля 2000 г.

* * *

Михаилу Zubову

Миша помер...
 Конь живой.
 В поле обитает.
 То мотает головой.
 То хвостом мотает.
 Подойдет к моей избе,
 У калитки встанет.
 И к моей пустой судьбе
 Свой укор приставит.
 И его,
 как и меня,
 Грусть-кручина точит.
 Так живем.
 С начала дня
 До начала ночи.

Июль 2000 г.
Сарбала

ОТВЕТ Ал. Ленскому

На земле, объятай скверной,
И без ленинских идей
Был бы рай давно, наверно,
Кабы не было людей...

А куда людей-то денешь?
Чем замену им найдешь?

Без людей, как и без денег,
На земле не проживешь.

*Новокузнецк.
Июль 2000 г.*

* * *

А. Веревкину

Стукачи на меня зря стучали.
И теперь на меня зря стучат.
Патриотом я был вначале
И сплошной патриот сейчас...
Сколько денег зазря угроблено
На таких, как я, по стране!?
Их бы все - на защиту родины,
Да зарплату
тебе и мне!

* * *

Кошка в лучах уходящего дня
Очень похожа сейчас на меня.
Гаснут закатного солнца лучи...
Тоже наелось.

И тоже молчит.

*Июль 2000 г.
Сарбала*

* * *

Люсе

Отгрохотали июльские грозы.
Август лениво лежит в лопухах
В парке Чаир распускаются розы...
Господи, грустно-то как!

УТРО В САРБАЛЕ

Туман лешачьей гривой
Заплёлся на ветру.
Крупинкой солнца иволга
Скользнула по двору.
В низинке разминается
Веселый соловей...
Потеха зачинается
Кругом избы моей:
Вверху смеется солнышко
Внизу грустит луна...
А посреди -
 подсолнухом
Башка моя видна.

*Август 2000 г.
Сарбала*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ

По большинству опрошенных
Итог, увы, глухой:
Страна у нас хорошая,
Народ у нас - плохой.

2000 г.

* * *

Дымит трава туманами.
Качаются цветы.
Рассвет небесной манною
Стекает с высоты.
Отавами покосными
По жемчугам - росе
Коровы бродят россыпью -
Без пастуха совсем.
В кустах, конечно, где-нибудь
Лежит мужик с бичом -
Коровы это ведают
И знают, что почём!
К стогам не приближаются.
Обходят огород...
Порядок соблюдается
У них от года в год.
Они навек запомнили
Про бич у мужика...
Они отлично поняли.
А мы - ещё никак!

*Август 2000 г.
Сарбала*

* * *

Ю. Лукину

Окончилось лето внезапно.
Листы полетели с берёз...
И осени пушкинский запах
Довёл до есенинских слёз!
Сижу на пригорке - ненужный,
Живущий у времени вспять...
«Чего приготовить на ужин?
Наверно, картошку опять...»

* * *

Вяч. Саушкину

Лето выпало старое...
 С жухлых берёз
 Прямо в августе сыпались листья.
 Люди были усталые.
 Многих до слёз
 Доводило желание злиться.

По покосам дурманом стояла полынь.
 Разрастался шиповник по просекам.
 И грибы возникали такие в теплынь
 Что всегда появлялись по осени.

В городах и подавно скверней, чем в лесу, -
 Всё пронизано страхом и бедами...

Шел Двухтысячный год...
 Подступал страшный суд...
 Только люди про это не ведали.

*Август 2000 г.
 Кузбасс*

ОПРАВДАНИЯ
«НОВОГО РУССКОГО»
(почти по А.Т. Твардовскому)

«И я советский был солдат...
 И сталь варил я тоже...
 И я совсем не виноват,
 Что я - здоров,
 Что я богат».
 Но всё же, всё же, всё же....

2000 г.

* * *

Дожди пришли саянские.
Загорные.

Студёные.

Четыре дня без продыха
Хлестали по бугру.
Изба моя

кержацкая,

В молитве возведённая,
Что старая уродина
Стонала на ветру.

Но вот дожди исчерпались.

Ушли ветра оврагами.

И солнце вдохновенное

Явило благодать!

И звездами вечерними

Вскричали птички радостно -

Остановись, мгновение,

Дай счастье увидеть!

Август 2000 г.

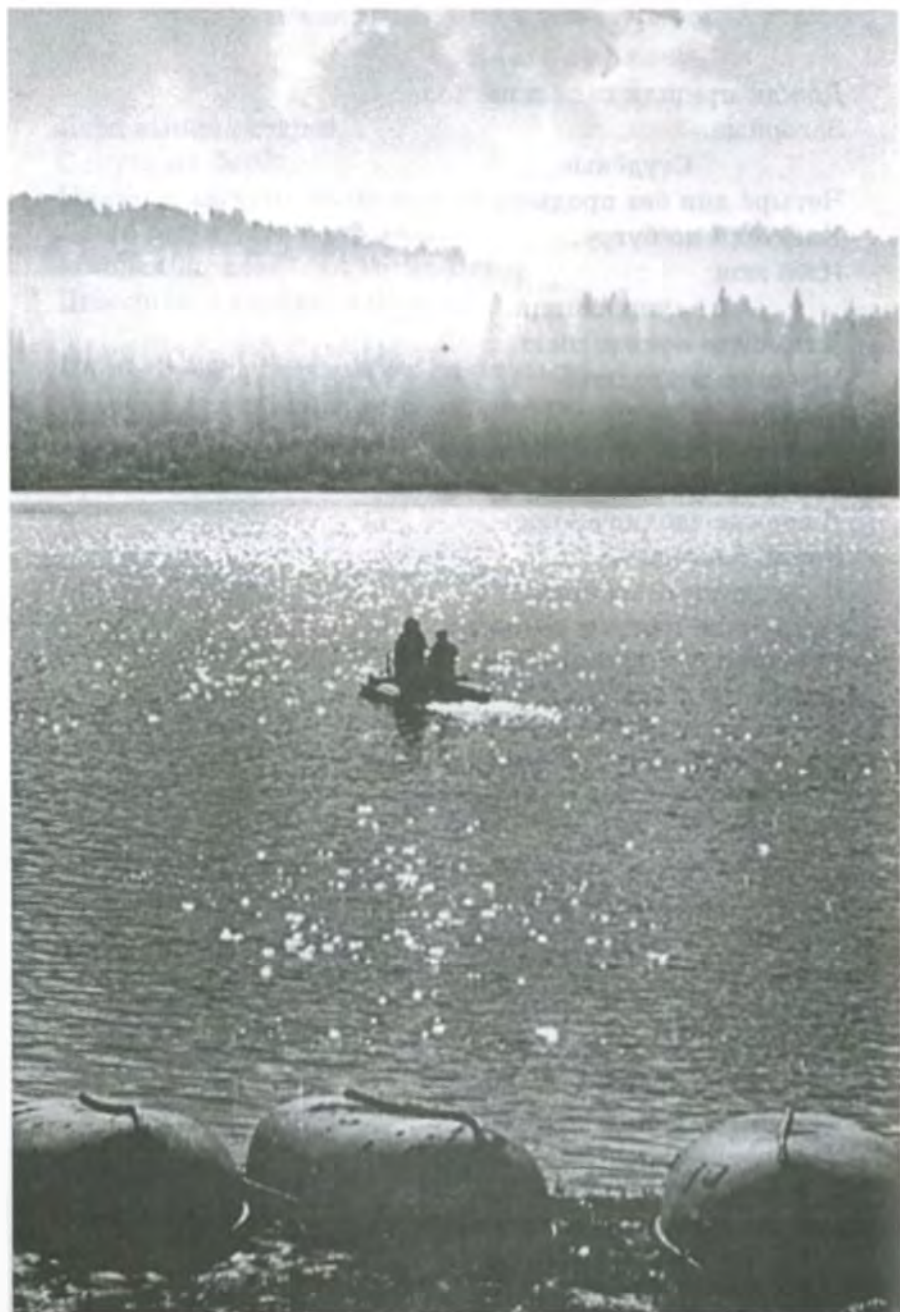
Сарбала.

* * *

Саше Замогильнову

от Паши Мертвцова

Поэзия сытых людей,
Пропахлая спермой и кофе,
Туманит зарницы идей
На нашей вселенской Голгофе.
И я не однажды, поверь,
Плутал в этом брехотумане,
Который заманит, обманет
И выставит нищим за дверь.

ВОПЛЬ

Поэты, мы писать должны!
Ведь никому мы не нужны.

2000 г.

* * *

Осветлела неба просинь.
Воздух праздничен и чист.
Малахитовая осень
Примеряет аметист.
Где ты, молодость июня?
Под синичий зябкий свист
Ветер дунет, дождик клюнет,
И - лети на землю, лист!
И вались, старуха-ёлка,
Поперёк всего ложка.
А из кустика - метёлка
Заторчит у бугорка...
Скукота...
Ну сколько можно
Лето осенью сменять?

Зря я столько много прожил -
Мог бы раньше всё понять...

*Сентябрь 2000 г.
Сарбала*

* * *

Льву Борщевскому

А вышло, что ни говори,
По справедливости, дружнице:
Тебе Америка - для жизни,
А мне Россия - для любви!

КАК СВЕТЛА ЭТА НОЧЬ*(Романс)*

Как светла эта ночь!
На лугу - кружевные туманы.
У заснувших осин
Оловянно мерцают листы.
Как гроза за стеной,
Утихают сердечные раны.
И луны клавесин
Осыпает росу на цветы...

Это было давно.
В лабиринте старинного сада,
Где в закатной пыли
Вдохновенно дремал Пятигорск,
Мы смотрели кино
Под весёлый кураж звездопада
В неоглядной дали
Под луной пламенеющих гор...

С той поры на земле
Много звездных ночей прошумело.
Демон наших страстей
Далеко на Кавказ улетел.
Но за давностью лет
Ты меня разлюбить не посмела.
И за близостью глаз
Я тебя разлюбить не успел.

Как светла эта ночь!
За окошками бродят туманы.
В светофорных огнях
Перекрестки блестят от росы.
И уже наша дочь
С упоеньем читает романы...
И украдкой наш сын
Вечерами глядит на часы...

* * *

Пора осенняя настала.
Луна зловеще заблестала.
И высоко,
 издалека,
Плывут худые облака.
А птицы,
 птицы -
 что за прелесты!
Ещё вчера на елках грелись,
А ныне,
 прямо поутру,
В кустах затеяли игру...
И я спросонок в гору вылез.
...Внизу - над избами дымы.
Там - кладбище.
 А там - живые...
Да разве в этом жизни смысл!?

Сарбала

* * *

Хоть справа налево,
Хоть слева направо -
Гляди, сколько хочешь....
 Картина одна.
Народ изживает поэтов -
 за Правду,
Которая вовсе ему не нужна!

*Новокузнецк
2000 г.*

ГРОЗОВОЕ

По небу облако летало -
Всё выросло, выросло...
И превратилось, наконец,
В большой сиреневый ...
 •Конец!• -
 подумал я,
 в избу войдя.
И дождевик стянул с гвоздя...

*Сентябрь 2000 г.
Сарбала*

КОНЕЦ ДЕМОКРАТИИ В СССР

И не вожди, не министры
В нашей беде виноваты.
И ни при чём коммунисты,
И ни при чём демократы.
И не давите на жалость -
Дескать, такая эпоха...

Наша похабная жадность,
Наша жаднючая похоть,
Наша ленивая трусость,
Наша трусливая лень -
Вот та бездонная трудность,
Что предстаёт каждый день!

И не поможет ни водка,
Ни фарисеев брехня...
Так мы устроены - вот как!
А всё остальное - фигня.

*Апрель 2001 г.
Краснодар*

ИЮЛЬСКИЙ ПОТОП

Дымились маревом леса.
Туман чадил кадиллом.
Разборка там,
на Небесах,
Три дня происходила.
Моя избуха ходуном
Под грозами моталась.
Мир онемел...
И, в основном,
Вода хозяйить стала!

Три дня гудели Небеса..
Дрожа перед бедою,
Долины, горы и леса
Таранились водою.

И всё же солнце
жизни жар
Вдохнуло в мир сей тленный!

Вновь каждый
завоображал
Себя пупом вселенной.
Всяк что-то делал *на потом,*
На что-то возмущался,
Как будто только что потоп
Для них не назначался...

Что люди?
Даже мураши
Не ощутили краха...

А я всё сено ворошил.
И ёжился
от страха!

* * *

Валере Г.

Который год у нас одно и то же -
 Бордель в каютах, драка у руля...
 Господь корабль наш точно уничтожит,
 И все мы перетонем опосля...

Нам доплывать до берега не светит -
 Вконец худой корабль у дураков...

Одна беда: зазря потонут дети
 Да несколько нормальных стариков.

*2001 г.
 Кавказ.*

* * *

Утро.
 Тени.
 Гул заката.
 Время - сонные круги
 Из откуда-то куда-то.
 Речи.

Песни.

И шаги...

Утащило солнце спинку
 На другой конец земли...
 И такую же пластинку
 Там по новой завели!
 Утро.
 Тени...

*Июнь 2001 г.
 Сарбала*

* * *

Чем от леса тайга отличается?
 Тем, что долго она не кончается.
 Я в нее пацаном так залез,
 Что лет десять ходил только в лес!

* * *

Отрада на сердце от дождика летнего,
 Который шалит,
 что дитя малолетнее,
 То бабочку сломит, то сено промочит,
 То сонных погонит на двор среди ночи...

Вчера, пополудни, в логоу я косил.
 А он -

 кисеёю в полнеба висит,
 Привязан к большущей дуге золотой
 От этой горы
 через ту
 и - до той!

*Июль 2001 г.
 Сарбала*

* * *

Не желаю слушать
 Больше никого.
 Кроме только сердца,
 Сердца своего.
 От вранья оглох я.
 От беды ослеп.
 С хорошо на плохо
 Завернулся след.
 С далеко на близко
 Подступила смерть.
 С высоко на низко...
 С драмы на комедь...
 С чести - на холуйство.
 С Истины - на ложь...
 Сдохну?
 Ну и пусть с ним.
 Страшно?
 Так о то ж...

РАДУГА

Под радугу сходились облака.
Потом они совсем её закрыли.
И туча напоззла издадека
И распушила грозозые крылья.
И молния прошила неба свод!
И хрястнул гром,
 как проломилась крыша.
И бесконечный гул небесных вод
По радуге вошёл
 и - в душу вышел...

Окончен бал!
Обрыдлие дела
Ехидно ждуть -
 без них не обойдёшься...

А ведь какаяз радуга была!
Когда её теперь ещё дождёшься?

*9 июля 2001 г.
Сарбала*

ПЕГАСНОЕ

Утро. Солнце. Лист бумаги.
И ни звука на душе..
А с небес
 для колымаги
Кони поданы уже.
Озорные.
 Расписные.
При крылах.
 Да вот конфуз -
К ним с боков и со спины я
Подойти опять боюсь...
Так всю жизнь.
 С утра до ночи
С запряганьем суэта ...
И гордыня душу точит -
Жизнь задаром прожита...

* * *

Мы отличнейше про это
Знаем все

до одного:

После Нового Завета
Не напишешь ничего!
И, однако,

век за веком

Всё карябаем стихи...
Вот такое

человекам

Наказанье за грехи!

* * *

Я так и не ушёл от нищеты...
Расстаться не спешу со старой курткой.
Храню (на юге) зимние унты.
Картошку чищу тоненькою шкуркой...

Та нищета в меня засела прочно.
Она вросла, как ногти на руках...
Вот десять дней

одну и ту же строчку

Строгаю.

И не выброшу никак.

*Август 2001 г.
Новокузнецк*

О « ЗАГАДОЧНОЙ РУССКОЙ ДУШЕ »

Нам только доллар покажи -
И нет «загадочной души».

2001 г.

12 июня 2001 г.

Бездарный день

из ветра и дождей -

В ничто ушли прожитые мгновенья.

И вялая потуга вдохновенья

Тень навела

на творческий плетень...

Зато в посёлке все наоборот.

Чего-то грубо празднует народ -

Ещё одну какую-то свободу

Какому-то правительству в угоду...

О, Господи,

в такой унылый день

Свободой заниматься им не лень!

г. Осинники

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Что говорить о жизни за окном?

Она проистекает идеально.

Покос,

навоз,

сивуха,

мат повальный...

А дальше -

телеящик, в основном.

Август 2001 г.

Сарбала

* * *

Семинаристу Н.,

г. Ставрополь

«Отцом» назваться не спеши,

Чтоб не ломать комедий.

Господь сказал: «Отец - один...»

Один Отец -

на Небе!

ВЕЧЕРА В САРБАЛЕ
(по Гоголю)

Я чищу ногти.

Мою ноги.

И, вороша угли в золе,
Стараюсь быть

не одиноким

На остывающей земле.

Но как прожить

благополучным

И предприимчивым,

когда

Взаправду очень,

очень скучно

На этом свете, господа!

* * *

Василию Галактионову

Шёл ночью дождь.

Светло.

Спокойно.

Не потревоживши народ...

Наверно, праведник какой-то

Не смог полить свой огород.

А утром солнышко сияет.

Смеются грустные цветы,

И ветер веет с высоты...

Так человек

на мир

влияет.

11 августа 2001 г.

* * *

Евг. Одину

Стихи - невидная работа.
Как вроде конопатишь дом...
Не для себя,
а для кого-то.
Не на сейчас,
а на потом.

*Новокузнецк
Август 2001 г.*

* * *

Саше Федорову

Что глядеть с тоской на Запад?
Бес нам голову вскружил...

Я б в деревне тоже запил,
Кабы в ней сегодня жил!

Нищетуха.
Срамотуха.
И - покойник через двор...

О каком поднятье духа,
Кроме водки,
разговор?

*Октябрь 2001 г.
Новокузнецк*

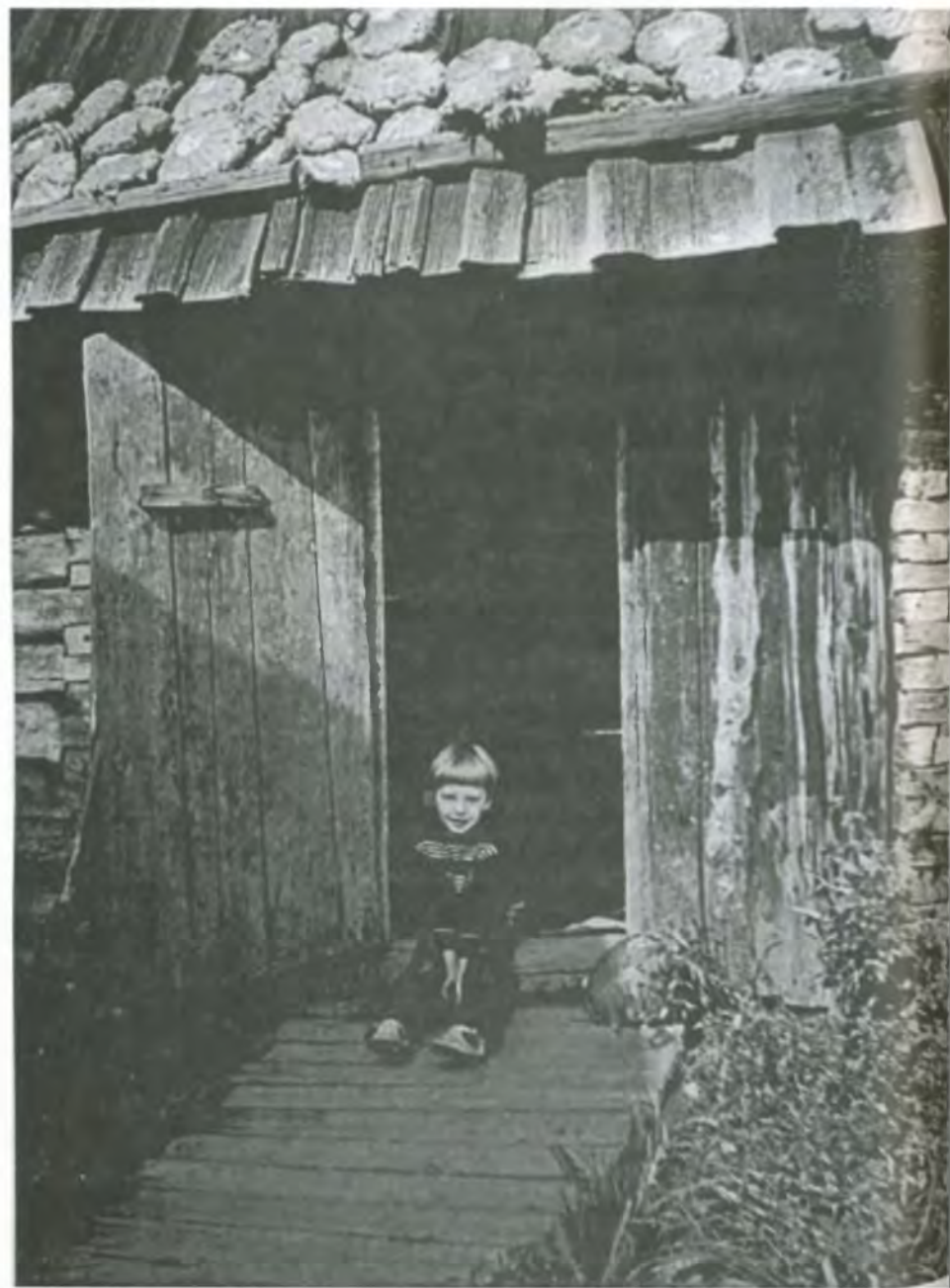
* * *

Что же ты, бор,
 всё шумишь да шумишь,
Душу тоскою зелёной щемишь?
Десять годков как я мать схоронил.
Крест на могиле отцовой погнил.
И у меня-то,
 почти старика,
Рыжие пятна пошли по рукам...

Скоро я стану больным и седым.
Ты же всё будешь шуметь
 молодым...

Вечно зелёный
 беспамятный век -
ЧТО для тебя на земле
 человек?

Сарбала

1 сентября 2001 г.

Пол-лета ковырялся в сене.
 Потом избенку починял.
 И вот он -
 первый день осенний,
 В который Пушкин сочинял...
 Ни комаров,
 ни мух,
 ни грязи...
 А строк-то нету у меня!
 Наверно, прав был Тимирязев:
 Природу надо изменять!

Сарбала

* * *

Как часто власти забывают,
 Крамоле требуя суда:
 Поэтов «правых» не бывает,
 Поэты -
 «левые» всегда!

Новокузнецк 2001 г.

* * *

Гроза ушла.
 В глуби небес,
 В окошке,
 солнце рассмеялось.
 И коршун на небо полез...
 А радуга -
 не состоялась.

20 сентября 2001 г.

* * *

Как эта ночь предательски темна!
И тени... Всюду тени неживые.
И тишиныща...
Мне нужна луна!
И шорохи. Хотя бы дождевые.
Иль ветер,

 что, вздыхая тяжело,
Вот-вот сорвёт с моей избёнки крышу...
Мне нужно, чтоб хоть что-нибудь жило,
Как Господом задуманное свыше!
Чтоб ночи одиночество вошло
В единое движение куда-то...
О, Господи, мне не хватает слов,
Ведь их должно хватать в мои года-то!
К чему я жил?
Дышал?
Науки грыз?
Чуть свет бежал болезненный на службу?

Чтобы однажды выйти из игры -
И самого себя ночами слушать?!

А если жизнь действительно одна -
Зачем тогда она даётся свыше?

И вспыхнул свет!
В окно вошла луна.
Сказала:

- Собирайся!

Время вышло...

НОВОКУЗНЕЦКУ 2001 г.

*Отринул ты страдальный свой венец.
Сыны твои*

в Храм Прибыли

стучатся...

Я уйду!

Прощай, Новокузнецк.

Я от души

желаю тебе

счастья!

25 сентября 2001 г.

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

И третья, последняя картина Новокузнецка.

Она зловещих тонов. В ней много Брейгеля, Босха, Гойи... Но Новокузнецк не Мадрид. А его вокзальная площадь - не гойевский Прадо.

Здесь всё круче замешано...

Со свинцового осеннего неба сыплется полуснег-полудождь.

Набитые разномастным людом лабиринты торговых рядов. Бестолковость частных лавчонок. Бесконечный гомон. Гортанные «да-ра-гой, па-га-ди...» вперелив с россиянским эсперанто, выращенным телеящиком из фени. Неуёмные кулачные бои за местечко под Солнцем Прибыли.

И над бесконечной сей Кулаковской битвой:

- Электропоезд Сарбала - Новокузнецк будет приниматься на шестой путь «А» первой платформы.

- Скорый поезд Кисловодск - Новокузнецк прибывает на восьмой путь второй платформы.

- Посадка на электропоезд до станции Карлык будет производиться с первого пути от вокзала...

В память мою от этой заключительной картины врезалось одно.

Пятиметровая проплешина в толчее. Развилка. Прямо - базарчик, направо - трамвайная остановка, налево - пригородные кассы. В середине развилки на сыром, избитом клочке асфальта сидит голый по пояс безрукий мальчонка лет семи. Культяшки коротенькие. Худущий - рёбрышко к рёбрышку. Вены на шее вздулись. Глазищи огромные, как на нестеровском «Страшном суде»... Перед ним, для милостыни - замызганая бейсбольная шапочка...

« Истино говорю вам... если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в царствие Небесное... и кто примет одно такое дитя во Имя Моё, тот Меня принимает, а кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему жернов на шею и потопили его во глубине морской...»

Иисус Христос

(Ев. от Матфея, 18.7)

И что теперь делать с жерновами нашими на шеях?

По статистике, одних беспризорников по нынешней России около четырех миллионов (РАН, Госкомстат).

Это же почти каждое десятое дитя!

Интересное в нас православие выпестовалось. Точно как коммунистическое братство в конце восьмидесятых, когда девятнадцать миллионов (считай, вся Скандинавия) партбилеты под сердцем носило...

В пяти шагах от невинно убиенного (при жизни) мальчика променаживается деловое фильдеперсовое чудо в лакированных лыжных ботинках и долгополом плаще-халате. Правой рукой, как дискобол, он раскачивает сумочку-гармошку с калькулятором, долларами, газовым пистолетом, презервативами... Левая неподвижна. От сосредоточенности. Пальцы вращаются. От рефлексов сосредоточенности.

А напротив (через мальчика) на обресе платформы пригодных касс - «монумент» в серой униформе. При нём все атрибуты «крутого» полицейского: брюхо, дубинка и удостоверение. Так что по части правопорядка тут всё о'кей! Кроме одного: жертва нашего всеобщего грехопаденья - безрукий мальчик - остаётся вне закона.

Поразительно!

Раньше, когда коллективный интеллект державы покоился на инженерах и врачах, дети наши были сытыми и оберегались законом. Ныне, когда кругом одни экономисты да юристы, в этом вопросе - мрак!

Вот и сажу я (родившись на полвека позднее) между нынешними экономистом и юристом на заплёванном асфальте над засаленной «побирушкой»...

Не покидавший своего детства ни на минуту, удивительнейший человек планеты Земля Антуан Мари Роже де Сент Экзюпери более полувека тому назад пытался достучаться до наших сердец:

«Жить холодильниками, политикой, балансами и кроссвордами больше нельзя.

Нельзя!

Нельзя больше жить без поэзии, красок, любви!»
(Письмо к генералу Х...)

Да то ли граф слабо стучал, то ли сердца у нас с другой стороны, только кроссворды начисто прихлопнули поэтические книжки, а радуги красок угасли в чёрно-белой политической мазне.

А любовь, после ненасытного холодильника и суперстрастного калькулятора, с подачи моего литинститутского приятеля Анатолия Трушкина, преобразовалась в нечто среднее между «то-сё и физзарядкой»...

Увы, город моей мечты не стал исключением... Пока не стал. Ибо всему голова - фактор времени.

Пройдёт еще пяток лет, и вконец надоедят, как измочалившиеся любовники, все эти пёстрые игрушки в «демократические ценности» западной цивилизации. Захочется нормальной жизни. Шестичасового рабочего дня. Оплачиваемого отпуска. Путёвки в Сочи за тридцать процентов. Бесплатной медицины. Всеобщего образования. Могучей армии. Вежливого милиционера... с авторучкой вместо автомата Калашникова. Нормальной еды. Нормальной водки...

И всего остального захочется, чего мы не замечали. К чему привыкли. От чего пытались уйти.

Господи, до какой дури надо доучиться, до каких страстей окатиться, до какого маразма дожить, чтобы вековые чаяния и деяния отцов, дедов и прадедов под свои сиюминутные естественные потребности «перестраивать».

«Да не будет...!»

Потому и незыблема вера в город моей мечты. В город труда, чести и справедливости. Не может он жить без поэзии, красок и любви!

- Казмковцы! Где казмковцы?.. Вместе с машзаводом в конец состава...

«Только всем нам ясно:
Едем не напрасно.
Зря орлы курганы стерегут!»

Утрясается во мне концовка... Уже видится крупное, всегда бледное лицо Юрия Дмитриевича Баландина, главного редактора нашей любимицы - стасемидесятитысячной газеты «Кузнецкий рабочий»:

- Вполне...Вполне... Подсократи и - Блинову в секретариат...

Уже вижу угловой «наш» столик в ресторане «Москва», уставленный, чем положено, - от рыбного «ассорти» до «Рябины на коньяке» и «Димиата»...

Мы все - Лёха Горчаков, Володя Манеев, Костя Аристархов, Вовка Рассохин, Саша Верёвкин, Юрка Чуб, Валька Павлов, Ленька Сербин, Пашка Макрушин, Вадим Назаров, Игорь Агафонов...и... - весенним паводком заливаем второй этаж исторического дома на перекрёстке бульвара 25-летия Октября и шоссе Энтузиастов. Именно от него (внизу наш Елисеевский гастроном № 8, а сверху легендарный ресторан «Москва»), начинается вечерняя жизнь Новокузнецка, растекаясь во времени и пространстве...

Ляхов Илья Яковлевич (фото 2001 г.)
 В 1964 году - режиссёр Новокузнецкого драмтеатра

- Паша... Паша... Не отвлекайся...

Мягкий, со смешинкой, баритон Ивана Алексея враз отодвигает и ресторан, и праздничную вокзальную суету.

Впрочем, её, суеты, уже и нет... Только вокзальное радио напоминает:

- Просим отъезжающих занять свои места. А провожающих выйти из вагонов.

Иван, как всегда, и здесь классно управился.

Из оконных форточек прощанья сыплются. Проводницы в тамбурах жёлтые флажки высунули.

- Ну всё, Паша ...

Обнимаемся с Иваном. Проводница за ним приступку откидную придавливает.

- Вы тут с Ляховым без меня ТОМ не развалите до осени...

- Постараемся, - бурчу себе под нос.

Ведь что-то сказать серьезное надо. Тут не кино. По-настоящему вкалывать едут. Слова вот не находятся...

Алексеев Иван Степанович (фото 2000 г.)

Иван Степанович Алексеев в разное время занимал посты заместителя начальника главка Минвнешторга СССР, генерального директора В/О «Алмазювелирэкспорт», заместителя начальника Главалмаззолота СССР, вице-президента Российской корпорации «Алмаззолото». Работал торгпредом СССР в Анголе, где много занимался вопросами драгоценных металлов и алмазов. Вице-президент Международной академии наук информации, информационных процессов и технологий. Несколько лет являлся членом Всемирного совета по золоту. Доктор экономических наук. Автор книг и многих статей по проблемам экономики, политики, предпринимательства.

В настоящее время генеральный директор внешнеэкономической компании «Асальмаз», которая учреждена в 1989 году крупнейшими российскими предприятиями алмазной, бриллиантовой, золотодобывающей и ювелирной промышленности.

А через пять минут, когда рубин светофора отрубил гремучий хвост уползающему в пригородную неразбериху поезду, подумалось: «Об Иване написать нужно в первую очередь».

А кто напишет? Секретарь горкома комсомола - не монтажник-высотник и не комбайнер. Тогдашние вожди от низов до верхов, свои портреты на газетные и телеэкранные подиумы не выставляли. И правильно делали! Славу и власть с умом носить надо.

Позднее, в перестроечное лихолетье, пришла уверенность: о таких, как Иван Степанович Алексеев, люди обязаны знать вот по какой причине.

От мальчугана из голодушного послевоенного сибирского села Усть-Пристань дошагать до заместителя начальника главка Минвнешторга СССР, генерального директора В/О Алмазювелирэкспорта, заместителя начальника Главалмаззолота СССР, вице-президента Росалмаззолото и т. д. и т. п. Написать несколько блестящих книг. Подчинить свою жизнь без остатка служению науке, дипломатии и общественной деятельности... Это не просто высокие слова. Ведь Иван Алексеев дошагал до высот министерских, писательских и академических не по услужливым спинам жрецов демократических ценностей, а в честной, жёсткой и бескомпромиссной борьбе за своё, определённое Богом, место в жизни!

Пробираясь в толпе провожающих к трамвайной остановке, я прикидывал, как на сегодняшней вечерней посиделке в «Москве» иванову идею в жизнь провести. Молодёжную радиостанцию «ТОМ в эфире» при городском радио организовать. Тут всем братством наваливаться надо. А оно, братство наше молодое, большую тогда силу в городе являло. И каждый по-своему сложен был. Если не исключите-

лен. Ныне о каждом вполне повесть можно сотворить в «Новокузнецкую ЖЗЛ».

Вот только штрихи к портретам представленных ранее друзей-витязей тех шестидесятых-семидесятых.

Леонид Горчаков. 27 лет. Главный редактор (тогда просто «редактор») городского радио. Учился в Москве, в институте востоковедения. Журналист во всём - в миропонимании, в поведении, в словесной деятельности. Курит. Пьёт. Никакого отношения к алкогольной и никотиновой зависимости не имел до скончания дней своих. Умер пятидесяти лет - от очередного инфаркта, которые переносил на ногах.

С поста редактора новокузнецкого радио был снят по доносу. Доносителя мы знали. Бог его наказал. А Лёшка неунываемо вкалывал во всех журналистских конторах и закончил трудовую деятельность руководителем группы техотдела «Сибгипромеза». Город Леонида Горчакова знал хорошо за его энциклопедичность по любому вопросу, включая городские и международные сплетни.

Мой первый экспромт о Лёхе:

*Горчаков и радио
Про одно поёт.
Есть, однако, разница -
Радио не пьёт.*

Его реакция:

-Э... Ну... Старик... Вторая строка слабая (щурится через очки и сбивает указательным пальцем пепел с сигареты). Вот Винный на Мдивани лучше сделал:

*Искусству нужен
Г. Мдивани,
Как ж... ржавый гвоздь
В диване.*

И Мдивани, старик, ответил... Э... Ну... Профессионально:

*Искусству нужен
Павел Винный,
Как ж...
Третья половина.*

Вот так, старик, работать нужно...

1960 год. Павел Майский и Леонид Горчаков (справа)

Горчаков всегда оставлял за собой последнее слово. Всегда. Кроме одного случая. Наш «Металлург» выигрывал у московского «Спартака» 5:1. Лёха страстно орал - просил у бортика: «Шайбу! Шайбу! Шайбу»... И она, шайба, ему влетела прямо в рот. Жуть! Мрак! «Скорая». Горбольница. Долгодневный безответный образ жизнедеятельности. Это для Лёхи-то! С его всепроникающим интеллектом...

Владимир Манеев. Горный инженер, выпускник Сибирского металлургического института им. Серго Орджоникидзе. Заслуженный мастер спорта (тогда не было «международного»). Чемпион мира по классической борьбе (теперь - «греко-римской»).

Уникальный борцовский талант сибиряка Владимира Манеева хорошо известен любителям спорта. А в книге «Русские богатыри» он после Поддубного, Заикина представлен. Чем Владимир очень гордился.

Володя Манеев был необыкновенно энергичен, умён и добр.

Самый близкий друг его молодости - Николай Иванович Якушин - руководил нашей городской литгруппой, будучи автором книги «Достоевский в Сибири». Доктор филологичес-

ких наук Н. И. Якушин заведовал кафедрой в пединституте. В семидесятые годы его перевели в Москву в Министерство просвещения.

Манеев и Якушин в городе были неразлучны и вели нескончаемые беседы...

А доброта Володи порой заслоняла все остальные качества. Как-то морозным январским вечером поспешали мы с Люсей в свою «десятку» по Кирова. А у ресторана «Москва» Манеев глыбится - без шапки. И пальто внакидку.

Чего, говорим, мёрзнешь?

А он:

- Вон, - кажет в сторону Абушки,- пацан торчит! Видите?

- Ну.

- Я его, дурика, из драки в кабаке сейчас вытащил. А он назад лезет. Побьют ни за что. Парень нормальный. А там мужики ещё те!

Добрые полчаса мы простояли с ним за компанию на морозе, пока ресторанный обстановка нормализовывалась...

В последнюю Володину весну запали в душу его тревожные слова:

- Понимаешь, чего-то по всему миру борцы-классики до пятидесяти не доживают. И почти все - от рака печени. Я тоже, Павел, боюсь...

Увы, опасенья нашего кузнецкого богатыря были не напрасными. А судьба распорядилась так, что Леонид Горчаков и Владимир Манеев ушли от нас в один день - из одной больницы обители, где из последних сил подбадривали друг друга своим присутствием. Ведь роднило их гусарство: уж манеевские-то «хохмы» и горчаковские «приколы» незабываемы.

Например...

Толкотились мы как-то под вечер в двухкомнатной ответсекретарке «Кузнецкого рабочего». И кто-то про подступающий чемпионат Европы упомянул.

А Костя Аристархов:

- Если бы у нас Манеев сегодня был, то и золото опять в городе было бы...

В общем, сплошные «бы» из нас посыпались.

А Володя, как по заказу, и объявляется.

- Поеду. И привезу золото!
- Да ты же столько не выступал...
- Да ты же в каком теперь весе...
- Да ты годочки свои посчитай...

В общем, посыпались из нас сплошные «да ты же».

А он на своём стоит:

- И поеду. И золото привезу!

И поехал! И золото привёз! В том весе и в тех годах, которые имел.

А участники того коллективного сомневательства долго потом в «Москве» коньяком расплачивались.

Манеев Владимир.
Чемпион мира и Советского Союза
по классической борьбе

Кстати, о зачинщике того коллективного сомневательства Косте Аристархове.

Корреспондент ТАСС. Звезда кузнецкой журналистики.

И ежели кто-то начинал сравнивать с его статьями плоды усилий иных собратьев по перу, Лёха Горчаков воздымал перст указующий и заодно сбивающий пепел с «Дуката»:

- Э...Ну...Старик Костя - это гора! А Пупкин (условно) - мышь...

Константин Аристархов имел невероятнейшую внешность - вылитый Антуан Экзюпери. Только пониже росточком.

Аристархов вечно мурлыкал собственную сочинилку:

- А по перрону.

А ходит муха.

А муха та была...

И так до нескончаемости.

Очерки его в нашей и союзной печати были на виду.

Так вот... Лёха Горчаков за сомневательство корреспондента ТАСС в неодолимости кузнецкого витязя «на зачуханном европейском чемпионате» организовал месть. Отлучал на своей «Оптиме» пяток объявлений: «Срочно продётся детская коляска. Звонить...» Далее - Костин телефон, домашний и соборовский.

А у Аристархова недавно дитё народилось! А коляски в страшном дефиците. Город-то молодёжный. Рождаемость повышенная.

Одуревший от «Скажите, пожалуйста, почём у вас коляска?» «У вас какого цвета коляска?» «Вы еще не продали коляску?» Костя дня три выискивал и уничтожал на бетонных столбах и фанерных щитах лёхины «приколы».

А когда иссякли звонки и пропесоченные в горьком снабженцы «Детский мир» заставили впритык парусиновыми лодчонками на колёсиках, Константин Аристархов явился на второй этаж «восьмого гастронома» в отличнейшем расположении лухя:

- А по перрону.

А ходит муха.

А муха та

Была старуха...

Мы тогда совещались на трёх угловых столиках (над гастрономским крыльцом) и вытягивали из Юрки Киршона всё про походы Пастернака...

Ю. Киршон - сын известного драматурга, который в тридцатые годы написал «Рельсы гудят» и пр. Прибыл Ю. Киршон из Москвы по путёвке Союза писателей писать про наши трудовые подвиги. Устроили его на КМК монтажником. Не высотником. Он гаечным ключом с двухметровой рукояткой огромные гайки закручивал. Сколько он их в неделю закручивал, не помню уже, но что вечерами опустошал с нами уйму пива и «бренди» (бутылка 0,75 с коротеньким горлышком, производство Болгарии), - это не забывается.

Кстати, мы с Юрием Киршоном в тот день с утра на воскресенье втыкали саженцы в парке Гагарина, который новокузнецкие в момент сотворили. И поныне от «Коммунара» до планетария шелестят листочками наши деревья. Я втыкал прутья, он закапывал. Иногда - наоборот. А трамбовали большущей зелёной бутылкой «Биле Мицне». Поначалу была она полной...Лет через пятнадцать в том же «Коммунаре» я противоалкогольный журнал по сценарию Ю. Киршона глядел. И ту трамбовку добрым словом вспоминал. Толчком, видать, Юрке послужила...

Так вот. Сидим за сдвинутыми столиками (мысленно - передвигать реально не разрешалось). Сидим. Пьём чай. Юрка клянётся, что был Пастернаку вместо сына, с колен его не сползал в солнечном детстве. Уверяет, что на похоронах известного поэта и автора нашумевшего тогда «Доктора Живаго» кое-кого до смерти утоптали...Лёха Горчаков ухмыляется, сшибая пепел с «Дуката» в опустевшую салатницу. Володя Рассохин норовит по-тихому смыться в свою гидувовскую клетушку. Ему завтра кандидатский минимум сдавать... И тут Сашок, официант французской внешности и точилинских манер, на подносе приземляет шампанское с запиской.

- От того столика шлют, - пальцем кажет к выходу из кухни, где Аристархов обыкновенно сиживает.

Нам сейчас его глазищи без бинокля видно. Всё ясно. Обстановка стабильная.

Читаем Костины каракули:

*«Поэзия -
не ТАСС,
Таз
полезнее».*

Так он свою обиду за наше невнимание выразил.

Отправляем «бренди» с ответом:

*«Полезней унитаз.
Но это не поэзия...»*

Зачинается диалог с последующим полным взаимопониманием...

А вскоре Володя Манеев обнадёжил нас, что и в тяжелом весе, когда надо, выиграет.

А Володя Рассохин заверил, что как профессором станет, сразу и кафедру создаст с каким-то мудрёным названием.

А я пролепетал, что в Москве, в самом «Советском писателе», стихи свои пропечатаю...

И все были счастливы.

И Костя Аристархов замурлыкал:

*«А по перрону
А ходит муха...»*

А Сашка Верёвкин, как вальтерскоттовский монах, «находясь в состоянии некоторой задумчивости», изредка говаривал:

- Чека разберется...

И пристально разглядывал янтарь «Жигулёвского» пива в фужере.

У нас Сашка был образцом. Слов на ветер не бросал. В беде первым приходил на помощь...

Александр Верёвкин был лейтенантом госбезопасности. Позднее он окончит наш металлургический институт и уедет в

Липецк на солидную инженерную должность. А тогда он, лейтенант Верёвкин, обеспечивал безопасность города моей мечты...

Я видел его в работе. В майский паводок, когда строптивая наша Томь подступила с левого берега аж до тех мест, где нынче гостиница «Новокузнецкая». Тогда по улицам Школьная, Кирова и Бардина коровы и бараны мычали и блеяли, а там, где асфальт уходил в набитую мусором водяную муть, командировал старший лейтенант Верёвкин. Рослый, широкоплечий. В ладно подогнанной полевой форме и заляпанных глиной «североходовских» фасонистых хромачах. Двое суток не спавший, он терпеливо разматывал этот клубок бедственных страстей.

И когда последняя «амфибия» (уже на колёсах) укатилась, набитая хвостатыми беженцами, к старокузнецкому мосту, Сашка, дожёвывая бутерброд, притащенный мной из «Кулинарии», пригрозил уходящей водной стихии:

Чека разберётся!

Весенний паводок в Новокузнецке. (70-е г.)

Впрочем, в те годы отношение к стихийным бедствиям было иное. Армия - самая мощная в мире. Строители советские по

всему шару ГЭСы да заводы возводили. Комсомольцев-добровольцев - бесконечно...Ташкент, к примеру, в момент воссоздали в двойном объеме от прежнего строймонтажа, когда землетрясение случилось. А тут какие-то паводки! Главное - их вовремя угадать.

А для этого у нас в Темиртау на Садовой улице «Бог погоды» Анатолий Витальевич Дьяков находился. Кузметкомбинат ему специальную гелиометеорологическую станцию соорудил. И наш «Бог погоды» долговременными прогнозами весь Кузбасс и страну обеспечивал. В Париже сорокаградусные морозы предсказал. Японию от цунами предостерёг... За что и был у нас награждён орденом Красного Знамени, а в Европе - медалью Каммилла Фламариона. Кстати, медаль эту сам президент Франции в Москву привёз для Анатолия Витальевича.

О жизни Анатолия Витальевича Дьякова разговор нужно вести отдельный. Созданный лихими газетчиками образ «сибирского Бога погоды», чаще гонимого, реже всемирнолюбимого, смею заверить, крайне схематичен. Мне он известен во всей неуёмности характера своего, присущего подвижникам. Очень многогранная натура. Настоящий патриот, настоящий демократ, настоящий учёный.

Дьяков Анатолий Витальевич

Анатолий Витальевич Дьяков с тридцатых годов неразлучно дружил с моим дядей, инженером **Мертвецовым Александром Ефимовичем**. И квартира дяди за номером 74 в доме номер 8 по улице Суворова была его излюбленным местом пребывания в Сталинске-Новокузнецке.

Здесь в 1954 году с балкона второго этажа Дьяков впервые дал мне взглянуть на звёзды в свой рефракторный «максутовский телескоп». Здесь, сидя на диванчике с приткнутой в углу виолончелью, он восторженно читал свою статью по основам собственных наблюдений за природой, напечатанную в парижском журнале... Здесь в конце восьмидесятых обсуждали они с дядюшкой предстоящее им завершение земных трудов и забот...

Земля им пухом, патриотам Кузнецкстроя, а значит, и Державы нашей!

Мертвецов Александр Ефимович

И еще вот о чём.

Анатолий Витальевич научил меня оценивать мир по Закону Симметрии. В погоде, например, пришла «холодная волна» - жди «тёплую», пришла «сухая» - жди симметрично «мокрую» и т. д. В общественной жизни: пришло лихолетье разрухи - жди созидательного возрождения...

Они, Дьяков с Александром Ефимовичем, такие прогнозы посоставляли Америке, Китаю и Ближнему Востоку - в устной, естественно, форме! И всё сходилось. И сходится. А то ли ещё будет по великому Закону Симметрии?!

Так что оптимизм у меня неиссякаемый. И по городу моей мечты - особенно. А телевизионно-газетные страшилки на меня не действуют. Я по ним только амплитуды волн отслеживаю...

На такой мажорной ноте я и сворачиваю портретописание дорогих сердцу земляков, а равно и нескончаемые истории, с ними происходившие.

Можно бы ещё изобразить, как Володя Рассохин полдня выводил тридцатикилограммового тайменя на Казыре. Все руки леской изрезал. И кабы сам не врач, исход той битвы мог бы оказаться печальным.

**Рассохин Владимир Михайлович,
проректор Новокузнецкого ГИДУВа**

Или как **Лёша Сербин**, поэт наш незабвенный, выполнил приказ Ивана Алексеева: «Ты, Сербинов, ко Дню поэзии у воинской части ракет попроси для фейерверка...»

Вот он набирает дежурного ракетного дивизиона:

- Это Сербин из горкома

- Слушаю.

- Сегодня в городе День поэзии.

- Слушаю.

- Обеспечьте нас ракетами. Запускать будем сами...

Через пять минут на наш комсомольский этаж горкома такое сыпалось, что у Ивана Степановича Алексеева и поныне при том воспоминании не то улыбка, не то зубная боль появляется...

Или как **Вадим Назаров** - врач-прозектор, переводчик с немецкого и член Американско-Европейского общества древней Астронавтики (от Советского Союза в нём было представлено всего четыре человека, а сейчас от РФ - шестеро) затащил в морг под философским предлогом кое-кого из нас (для отсыпки после застолья) и уложил в прохладной покойнице...

Назаров Вадим Александрович

Или как выпускник омской школы милиции, чемпион области по самбо лейтенант **Юрий Чуб** начал службу в нашем угрозыске с выведения из строя личного состава патруля (из трёх сотрудников), хамски поступившего с ним у магазина «Рябинка» ...

Или...

О, какие замечательнейшие картинки можно ещё увидеть, вращая калейдоскопную зрительную трубу, нацеленную на свет тех незабываемых шестидесятых-семидесятых!

Поэтому-то в конце третьей, заключительной картины памяти затаилось самое главное - о причине нашей счастливой жизни тех дней!

Сегодня, когда главная беда России (дефицит порядочных людей) сводит на нет все политико-экономические потуги возрождения былой державности, понять эту причину необычайно важно.

Если верить достопочтенному доктору А. П. Чехову, то эта причина располагается в каждом из нас между сердцем и желудком. Доктор Чехов усматривал здесь анатомическое место расположения души... В зависимости от того, куда она, душа, в человеке смещается - вверх либо вниз - и проявляются его потребности.

Да простит меня безмерно уважаемый Антон Павлович за подобное развитие его открытия! Но разве не это и лежит в основе извечной борьбы Духа и Брюха? И достичь гармонии, учёно выражаясь, единства и борьбы сих противоположностей - дело первостепенной государственной важности.

Наша вера - Православие - учит нас равномерности во всём, дабы не было нужды и чрезмерного излишества.

Апостол Павел требует от нас:

«Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы ЧЛЕНЫ ДРУГ ДРУГА. Гневаясь, не согрешайте, солнце да не зайдёт во гневе вашем. И не давайте места дьяволу. Кто крал, не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся».

(Посл. к Ефесянам, 4. 10)

Вот и весь ответ о причине нашего счастья в шестидесятых-семидесятых.

Были мы частью друг друга. Старались по мере сил говорить правду, не грешить во гневе. Главное - умели честно зарабатывать хлеб себе и уделять нуждающемуся ...

Равновесие Духа и Брюха - субстанция очень сложная - и требует постоянного внимания на всех уровнях человеческого бытия. Трагедию нынешнего интеллектуального и нравственного падения нашего ещё долго будут изучать выдающиеся умы и мировые аналитики. Однако корневую причину трагедии можно назвать прямо сейчас. Мы ПРОДАЛИ душу дьяволу со всеми вытекающими последствиями! И дом торговли, в который превращён сегодня Православный Храм христианско-коммунистической Руси, безотлагательно требует всеочищающего Кнута Господня!

И он, Кнут, уже свивается из бесконечных землетрясений, цунами, паводков, морозов, снегопадов, ливней, терактов, катастроф, инфляций, наркомании, СПИДа, энцефалита и... чего там ещё?

И давайте, наконец, перестанем смущаться слова «коммунизм» в подобных контекстах.

Вот мнение Бердяева по данному вопросу:

«У святых Василия Великого и Иоанна Златоуста есть такие резкие суждения о социальной неправде, связанные с богатством и собственностью, что перед ними бледнеют Прудон и Маркс.

Златоуст был совершенный коммунист. Хотя это был коммунизм, конечно, не капиталистической и не индустриальной эпохи. С большим основанием можно сказать, что коммунизм имеет христианские истоки...»

А один из самых интеллектуально продвинутых и известных всему миру ненавистников СССР открыто заявляет, что после разгрома коммунистов главным врагом будет Православие...

А я не хочу быть ничьим врагом № 11

Я хочу, а значит, буду жить по ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ нормам счастливых лет нашей Державы.

Когда утро начиналось с физзарядки, которую проводил Иванов, а музыкально сопровождал пианист Родионов. Когда «Новости» сообщали о новых заводах и городах. Об обязательном первом месте на Олимпийских играх.

Когда каждый мечтал сначала стать космонавтом, а уж потом инженером или врачом. Когда в трамваях, троллейбусах и автобусах бросали медяки в пластмассовую копилку и сами отрывали себе билет.

Когда весь клубок жилищно-коммунальных тягот разматывал в горисполкоме выпускник СМИ, 30-летний инженер Сергей Мартин.

Мартин Сергей Дмитриевич.
В настоящее время Глава города Новокузнецка

Когда за «двушник» болтали в телефонах-автоматах до полного изнеможения.

Когда...

Вот тогда-то наше Брюхо висело на коромысле супротив Духа! А коромысло на крепких плечах горделиво несла Мать-Россия по тропинке Любви, Добра и Справедливости...

Недавно я услышал гордостное радиозаявление, что в городе уже проживает более ста миллионов. Я онемел... Всего-то?

Ведь что такое сегодняшнии миллион? Это тридцать тысяч тогдашних полновесных рублей. Выходит, тогда у нас каждый сотый в миллионерах ходил.

А ежели движимость и недвижимость приплюсовать, так сплошной Город Миллионеров получается. Ведь вся Кубань - приезжая, сегодня потомками шахтёров забита. А шахты там ни одной. Умели деды-пенсионеры переселяться!

Вот и выходит, что по нынешней мерке в те годы по Новокузнецку тысячи миллионов толкотились. С того и в рестораны места с утра забивали...

И я такой ещё случай вспомнил.

В городском Госбанке кончились деньги. Нам задерживали зарплату аж до понедельника. Так из соседнего института некто З., главный специалист отдела, со своей сберкнижки нам всю зарплату ЗАПЛАТИЛ. А в понедельник банк с ним рассчитался. А нас было более пятисот человек...

Вот и думай теперь, почему «совок» З. на работу не опаздывал и виногретами на первомайских демонстрациях коллективно закусывал, а нынешний «миллионер» безрукому мальчонке медяка в «побирушку» не кинул?...

А, впрочем, тут и думать не над чем. Сатана дело свое знает. И не нашими мозгами разгадку выискивать. На это Пророки поставлены. И покуда мы их побивать камнями не

перестанем, искать удобного места под солнцем справедливости и достатка - дело пропащее...

Но час придёт!

И день тот засияет.

И Город моей мечты обретёт предназначенные ему стать, достоинство и красу!

Иначе - позвольте повториться -

для чего было жечь костры над средневековой Томью,

ставить острог,

возводить Город

и столько веков добывать уголь и ковать железо?!

МЫ БЫЛИ,
ЕСТЬ
И БУДЕМ

ЧАСТЬЮ
ДРУГ ДРУГА

**Лица
без комментариев**

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

20

19

21

22

23

24

25

26

27

29

28

30

31

32

33

34

36

35

37

38

39

40

41

42

КОММЕНТАРИИ

1. 1965 год. Бунгур. Новокузнецк.

Поэты Леонид Сербин, Павел Майский, Степан Рыбак, Игорь Агафонов.

2. Наш "Елисеевский" гастроном с рестораном "Москва", откуда начиналась вечерняя жизнь города.

3. 1980 год. НО ВНИПИ "Тяжпромэлектропроект". Здесь собрались конструкторы - романтики, поэты мартиеновских и доменных печей.

4. "Томовцы" Саша Мартыненко, Павел Майский и Валентин Павлов перед началом "вечера Поэзии" у кафе "Юность".

5. Профессор ГИДУВа Михаил Степанов. "Штатный" поэт "Кузнецкого рабочего" шестидесятых годов.

6. 1980 год. Редакция газеты "Металлург": Н. Каркавина, Г. Дик, С. Знатков, В. Гусаков, Т. Чистякова, С. Рыбак, А. Милешин, Е. Ведерникова. Здесь закалялась поэтическая сталь.

7. 1978 год. Гости интерклуба СМИ из Чили, Никарагуа, Гватемалы... внимают проректору СМИ Евгению Ивановичу Корочкину.

8. Зам. директора Новокузнецкого драмтеатра Ермолаева (Васильева) Людмила Михайловна с внучкой Витой.

9. Куратор интерклуба СМИ Люся Мертвцова, преподаватель кафедры иностранных языков, перед началом регистрации гостей из Латинской Америки.

10. Латиноамериканцы и "смичи" фотографируются на память. 1978 год.

11. 1967 год. Участковый Центрального РОВД Владимир Гительман, при виде которого сразу хотелось сдаться.

12. "Верные друзья". Слева направо: инженеры Владимир Ситько, Михаил Конюхов и Александр Гаськов перед заходом в тайгу. 1966 год.

13. 1983 год. Чемпион Вооружённых Сил СССР по боксу, заслуженный мастер спорта СССР, выпускник СМИ, сталевар Валерий Гришин.

14. 1966 год. Юрий Лукин. Выпускник Томского политехнического института, офицер ракетных войск стратегиче-

ского назначения, будущий проектировщик Запсиба, КМК и пр.

15. 1970 год. Главный механик Запсибгеологии Игорь Добровольский (слева в шляпе) на границе с Казахстаном.

16. 1965 год. Виктор Харитонов. Выпускник Харьковского политехнического института. Главный специалист института Тяжпромэлектропроект. Проектировщик электрооборудования прокатных станков Запсиба и КМК.

17. 1976 год. Хирург Евгений Один. Горбольница № 1.

18. Бессменный начмед городского онкологического диспансера Виктор Демьянов.

19. 1967 год. Заведующая гастроэнтерологическим отделением 1-й горбольницы Валентина Дыбко.

20. Наташа Романова, одна из руководителей городской торговли, отважно штурмует пороги горношорских рек. 1966 год.

21. Инженер Евгений Коченевский (справа) на работе. Неюнгри. 1979 год.

22. Инженер Николай Лобанов апробирует вырытый котлован. Он, окончивший строительный техникум, педагогический и металлургический институты, приложил руку к доброй половине всего, что у нас строилось...

23. Макарова Клавдия Захаровна. Инспектор по кадрам Запсиба. 1960 год.

24. 1976 год. Инженер Евгений Коченевский на отдыхе в Шерегеше (лежит на снегу слева).

25. Дирекция строящегося Запсибметзавода на уборке картофеля.

26. Чемпион Кузбасса по гимнастике и большому теннису выпускник СМИ Анатолий Левитан (справа). 1961 год.

27. 1977 год. Архитектор Кузбассгражданпроекта В. Павлов с дочерью и будущая звезда фламенко Рита - Кармен Майская (справа) в Сарбале.

28. Чемпион СМИ, города и области по классической борьбе Артур Дубровин (справа). Увы, он умер на 27-м году жизни.

29. Лауреат многих международных и союзных фото-выставок Юрий Романов, мастер спорта и т.д. и т.п.

30. Главный инженер проекта Запсиба Вениамин Карпов и нач. отдела "Сибгипромеза" Григорий Розенблит в спортлагере института.

31. 1970 год, 7-е ноября. Демонстрация. Легендарные знамена КМК.

32. Инженер, выпускник СМИ, поэт Саша Замогильнов - автор популярной телепрограммы "Девять Муз". 2001 г

33. Валера Лисянченко, инженер-металлург, мастер спорта СССР, секретарь ГК КПСС (справа) держит шаг! 1980 г.

34. Поэт Василий Галактионов, лейтенант ВМФ СССР. Магадан. 1973 год.

35. Начальник доменного цеха Запсиба, певец-баритон, общественный деятель Альберт Ленский.

36. Трое из нас переходят из ресторана "Москва" в ресторан "Заря". Причина забыта.

37. Выступает подполковник Берлин - летописец ратных дел Новокузнецчан в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

38. 2002 год. Уцелевшие в бурях перестройки первопроходцы Запсиба на оперативке по перспективе развития своего комбината.

39. Судья Заводского района Тania Гительман. 1989 год.

40. Григорий Новиков - директор ГПИ "Проектстальконструкция". 2002 год.

41. 1986 год. "Бог погоды" Анатолий Витальевич Дьяков (слева). Темиртау. Гелиообсерватория.

42. Тяжпромэлектропроектвцы на демонстрации. 1976 г.

В книге использованы фотоматериалы из фондов Новокузнецкого краеведческого музея, а также фотоиллюстрации Ю. Романова, Г. Дмитриева, А. Кузярина, В. Бастрыкина, Ю. Сергеева, П. Косолапова, С. Кельберга, Ю. Комарова, Л. Головиной и авторов этой книги.

Первые в Кузбассе!

ГИМН

Земли Кузнецкой

С. Юлиан Паркин МАЩЕРКОВ,
Музыка Михаила МАЩЕРКОВА

Четыре года века прошло
С тех, как зародились, непобедимых пол,
Когда стремительны были да усилье
Постыблины были спрзи тяжелых гор.

ПРИПЕВ
Победы боевые - над врагом супротиве,
Шествуют стальной фронт - Кеману боевые,
С победой над врагами,
С победой над смертями
С победой над смертью,
И над войной!
Победы боевые!

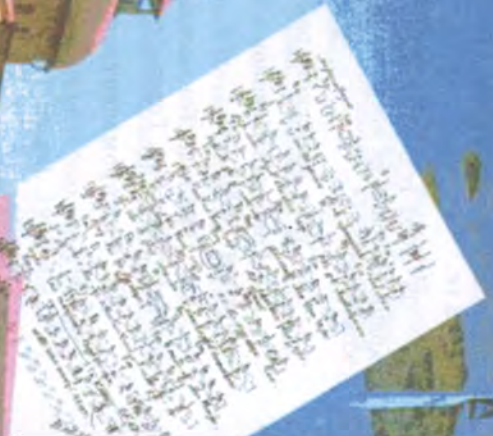
Мы поминаем ту суровую войну,
Когда на зовь маторов-воин
От Бурлаинцевых фронтов до Берлинны
Самы герои и герои войны прощали!

ПРИПЕВ
И как бы война, суровая на суровых
И как бы война, суровая на суровых,
С победой, над смертью, мучениями и слеза,
Мы знаем, что победы за войной!

ПРИПЕВ

Этот гимн - это гимн победоносной, мужественной, героической
русской армии, это гимн нашей, победившей на всей территории
перспективной экономики и культуры, нашей великой державы
и нашей страны. Этот гимн посвящен и великому
русскому, святому народу, героическому народу
русской армии. И все это является: прославляя, гимн
русской армии и России.

Слова: Николай Николаевич Мещеряков

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*"Отойдите от Меня
все делатели неправды..."*
Иисус Христос

Мозаику "Город моей мечты" я собирал всю жизнь.

С годами хотелось переделать ранее написанное. Кое-что "причесать", кое-чему дать стержень. Кое-где добавить "остренького", организовать "заварушку"...

Но тогда заползёт ложь. Ведь время одно проясняет, а другое - хоронит. И получится историческое произведение с ограниченной ответственностью. Далёкое от замысла.

А замысел был прост - доставить читателю картины прожитой в Новокузнецке жизни в первозданности. Какими они были.

Тогда и читательское ответное чувство станет намного острее и честней. Как при чтении собственных писем спустя долгие годы... Ведь как велико бывает наше желание видеть те, собственные письма кое в чём иными! Но, увы... Не надо было писать. Звонили бы по телефону...

А в девяностые годы произошла трагедия. Рухнула вера в Человека. Ведь за последние десять лет "оттянись со вкусом" вместо "Человек - это звучит гордо" почти узаконилось. Город моей мечты начали примерять к Лас-Вегасу... И все мои картинки превратились в призывы, лозунги и портреты, сваленные как попало после праздничной демонстрации в опустевшем вестибюле...

Даже наблюдавший человеческую жизнь во многих уголках земного шара Иван Алексеев как-то посетовал: "Понимаешь, Паша, из нас, как назло, всё негативное повылезло..."

В общем, подступила жатва Господня. А я дописался до того, что ... "Родину свою люблю всем сердцем. Но - без людей".

Это был край пропасти тьмы внешней, над которой в долгом раздумье не устоишь. Либо принимай есенинскую "Страну негодяев", где "самые отвратительные громилы и шарлатаны", либо ври, нацепивши броню заоблачной лирики и религиозной риторики.

И тут произошло спасительное для меня событие, которое поставило всё на свои места!

И через полгода я принялся лепить свою собранную мозаику прямо на изрытые оспой лихолетий кузнецкстроевские многоэтажки, на облезлые хрущевки, на вставные челюсти парадных дверей бывших госучреждений, поблескивающих ныне фиксами вывесок "фирм", на тротуары, устряпанные китайской грамотой, на заборы с шизописью, на рекламные простыни с осклизлостью улыбок и волосатостью вожделений...

И город оживал в красоте камня и неба, деревьев и людей! Распахивались зарешёченные окна, и на них улыбались цветы. На лестничных площадках, у многострадальных дверей опять скучали детские коляски и велосипеды... А в 16.00 от четырёхжды орденоносного флагмана сибирской металлургии КМК взвивался в поднебесье легендарный гудок заводской. И кузнечане машинально сверяли свои часы...

Город, а значит и жизнь, обретали веками установленный ритм. Восстанавливался смысл. Менялось поведение. Преображались нравы.

И всё это **Начало Быть** от того спасительного для меня события, что произошло в день 31 сентября 2001 года от Рождества Христова.

...Вечерняя шестичасовая электричка собиралась "к отплытию". Низкое осеннее солнце печально высвечивало неубранные уголки головного вагона, где под кнопкой "милиция" отсыпался бомж, а за служебным столиком резалась в "дурака" путевная бригада "божьих коровок".

Наряд сопровождения - два мужика в камуфляже, при дубинках. Кучка девиц, вымотанных непривычными городскими делами. Они поскидали узконосые тувельки и выставили замаянные ноги на соседние полки. Ещё кучка (далеко не девиц) уткнулась в сканворды и промежуточную полиграфию. Отдельно у входа - дачники, чёрт-те во что обряженные, от резиновых калош до шляпок из китайской соломки и бейсбольных кепочек... А остальной пассажир - пьяненькие представители сильного пола всех возрастов.

Полторы сотни лет тому назад писатель-разночинец Решетников "ходил в народ" и категорически заявил, что в царской России проживает три типа мужика.

***Первый тип** - которые с работы идут в кабак.*

***Второй тип** - которые с работы сперва идут в баню, потом в кабак.*

***Третий тип** - которые с работы идут в баню, потом в церковь, а уж потом в кабак.*

Иных мужиков в те времена народоволец не обнаружил...

Про мужика нынешнего мыслью по древу растекаться нечего. Он весь на глазах. И отстаёт от решетниковского только по части работы и церкви. А равно и по территории, на которой ныне проживает...

Посему мужская треть гомонила в середине вагона, отгородившись стеной разнополости от прекрасной половины рода человеческого.

Но был ещё один, необычный пассажир... Синица... Она залетела перед посадкой и занималась съедобными крошками. А теперь испуганно прицепилась в верхнем переднем углу к раме неоткрываемого маленького оконца.

Обычное дело. Залетела птаха. Может, ещё улетит. Может, не улетит. Что с того? Зубов во рту не добавится. Курс доллара не изменится...

Деловая начальница объявила по радио пятиминутную готовность нашему ковчегу. Машинист в школьной курточке, поигрывая связкой ключей, прошел через всех и задернул к себе дверь, звякнув защёлкой.

Вот тогда-то они и объявились. Эти два пацана, от которых богатенькие поближе подтягивают сумки, а небогатенькие выставляют ледяной упрек во взоре: "Вот оно, наше будущее..."

Мальчишки были подзамызганные. Самостриженные. При соплях. С виду малолетки. А поди второй десяток разменяли. От ранней курёжки эта задержанность. По себе знаю.

И только уселись они напротив нас с Владкой - давай вагон

обглядывать. И вдруг крайний к проходу, на Шукшина похожий, начал напористо дружку что-то доказывать. Из спора только "пошли" да "скорей" слышалось. Потом оба подхватились и в момент проскочили туда, к синичке.

Первый, преодолев недвижные поперечины ног истомлённых девиц, перегородил синице путь. А другой - медленно подступал с тыла. А синица, неловко цепляясь проволочками лапок за раму, сдвигалась, сдвигалась к опущенному большому окошку... И - выпорхнула на волю!

Электричка дёрнулась, примеряя колеса к рельсам. И через десяток секунд завела свою бесконечную песню.

А пацаны опять уселись напротив нас с дочкой.

И первый, похожий на Василия Макарыча, доканчивал спор:

- Ты чё! Да они об стёкла убиваются, когда сами вылетают.

- Стекло не видят, што ли?

- Конечно, не видят. Чё они, дураки - разбиваться?

А потом мальчики упорхнули в толчею грустного шахтёрского городка.

Упорхнули. Заронив в наши души негасимую искру Божию.

И воссиял свет! И отступили сумерки. И объявилось Слово... И картинки мои обрели прежний смысл.

И я вдохновенно принялся доделывать свою мозаику

А когда я расставил по местам все до единой картины, когда наш город углекопов и сталеваров, физиков и лириков вновь обрёл свою вековую монументальность, осталось последнее - реклама.

Её я сотворил исходя из того, что:

- на земле каждый двухсотый русский живёт в Новокузнецке;

- в мире более пятидесяти государств по числу жителей уступают Новокузнецку;

- более ста кузнечан имеют мировую известность...

А значит:

- все надписи в городе должны быть на русском языке;

- вместо Кипров, Багамских островов и Объединённых Эмиратов будут Горная Шория, Алтай и Поднебесные зубья;

- в каждой школе, техникуме, институте, в каждой библиотеке и спортзале должны вглядываться со стен, сцен и с книжных страниц прямо в души, в сердца наши лики и лица незабвенных наших предков и друзей, жизнь которых была прожита во славу Земли Кузнецкой, а значит, и Отечества нашего!

На том я завершил слово своё о городе моей мечты.

И теперь город моей мечты "загружен" в книгу.

А книга - машина времени. С её помощью можно побывать не только на гениальном толстовском Бородине или судьбоносном шолоховском Тихом Доне, но и в нашем столь близком сердцу Кузнецке-Сталинске-Новокузнецке, о котором оставлено немало достойных литературных свидетельств.

Павел Майский

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Город моей мечты	9
Кузнецкая поэма	17
Город моей мечты	63
Люди	81
Стихи двадцать первого века	99
Город моей мечты	129
Мы были, есть и будем частью друг друга	157
Послесловие	171

П. Майский

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

Слово о Кузнецке-Сталинске-Новокузнецке

Главный редактор В. А. Галактионов
Технический редактор Ю. Ф. Лукин
Компьютерная графика Ю. Ф. Лукин

Оформление обложки:
художник В. П. Павлов, компьютерная обработка П. А. Глушко

ПД № 00097

ISBN 5-8441-0065-4

Отпечатано в ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат»
654005, г. Новокузнецк, ул. Орджоникидзе, 11
Заказ 8219. Тираж 500

МБУ "МИБС"

г. Новокузнецк

13842100351343

Павел Майский...

- известный русский советский поэт. Ученик Леонида Соболева и Егора Исаева. Впервые его стихи появились в союзной печати в 60-х годах. Однако не смотря на трудные взаимоотношения с цензурой тех лет, в отличие от своих коллег - "шестидесятников" Павел Майский не был в рядах диссидентов, сохраняя позицию патриота, советского человека, борющегося с бюрократией и продажностью командно-административного аппарата всех времён.

И сегодня в произведениях поэта - все та же борьба за идеалы добра и справедливости, вера в светлое будущее нашей страны

ГОРОД МОЕЙ МЕЧТЫ

НОВОКУЗНЕЦК - 2002